

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

Н. М. Сирота

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**
Учебное пособие

Санкт-Петербург
2007

УДК 327.39
ББК 66.0
С40

Рецензенты:

доктор философских наук, доцент кафедры политологии
Санкт-Петербургского государственного университета
экономики и финансов *Р. А. Хомелева*;
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Балтийского государственного технического университета
«Военмех» *Н. А. Баранов*

Утверждено
редакционно-издательским советом университета
в качестве учебно-методического пособия

Сирота Н. М.

С40 Глобализация: политические аспекты: учеб. пособие / Н. М. Сирота; ГУАП. – СПб., 2007. – 84 с.

ISBN 5-8088-0220-2

В учебном пособии рассматриваются политические аспекты феномена глобализации. Показаны сложность и противоречивость процесса формирования единого, взаимосвязанного и взаимозависимого мира; острота проблем, которые предстоит решить потенциально единственному человечеству для того, чтобы реализовать возможности развития и ответить на вызовы глобализации. В контексте глобальных перемен освещается проблематика демократизации, становления нового мирового порядка и геополитического самоопределения России.

Пособие рекомендовано студентам всех специальностей, изучающим курс общественных наук, может быть полезно аспирантам при подготовке к сдаче кандидатских экзаменов.

УДК 327.39
ББК 66.0

ISBN 5-8088-0220-2

© ГУАП, 2007
© Н. М. Сирота, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

1. Глобализация главная тенденция мирового развития	4
2. Глобализация и государство	14
3. Глобализация и демократия	22
4. Становление многополярного мира	31
5. Глобальный миропорядок	43
6. Война в контексте глобализации	53
7. Терроризм в глобализирующемся мире	64
8. Россия в глобальной политике	72

1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ГЛАВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ¹

Термин «глобализация» в 1983 г. был использован американским ученым Т. Левиттом для обозначения феномена слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями.

История глобализации начинается с образования «мирового рынка» в результате великих географических открытий, возникновения мирового хозяйства вследствие вывоза капиталов с конца XIX в. Формирование транснациональных корпораций примерно с 1970 г. способствует еще большему развитию глобализации.

Глобализация началась прежде всего в экономической сфере и в ней получила наибольшее развитие. К концу XX в., с прекращением противоборства двух общественных систем, она вышла за пределы экономики и во многом стала доминантой мирового развития. Результатом усиливающейся взаимозависимости всех компонентов мирового сообщества становится целостность бытия человечества.

Понятие глобализации на протяжении последних десятилетий является объектом многочисленных дискуссий. Смысл основных подходов сводится к пониманию глобализации как процесса усиления взаимозависимости народов и государств под воздействием экономической интеграции и научно-технической революции, информационных и коммуникативных технологий, а также восприятия происходящей трансформации общественным сознанием.

Глобализация – объективный процесс, вызываемый насущными потребностями мирового развития. Его экономический базис состоит в транснационализации производства и капитала, новых видах коммуникаций. Его идейный фундамент – в общезначимости для человечества таких ориентиров, как рыночная экономика, политическая демократия, идейный плюрализм, открытое общество.

В национальных интересах государств возрастает удельный вес проблем глобального характера. Усиливается взаимосвязь внутренней и внешней политики. Глобализация сопровождается динамичным выходом на международную арену негосударственных акторов – как конструктивных, так и деструктивных.

Несмотря на всю мощь, этот процесс, под воздействием ряда факторов, может быть существенно приостановлен или даже прекращен. К числу таких факторов следует отнести маловероятную мировую

¹ Параграф написан совместно с асп. Е. Е. Сорокиной.

войну, грандиозные по масштабам пандемии, катастрофические по своим последствиям атаки террористов.

Изменение картины мира в процессе глобализации определяется взаимодействием двух тенденций – универсализацией мирового развития и ростом многообразия его форм, проявляющемся в самобытном облике государств, уникальности их интересов и культур.

Процессы глобализации крайне противоречивы и порождают ряд серьезных проблем. Одни противоречия глобализации заложены уже в самом явлении, другие возникают или обостряются вследствие ее наложения на сложную картину современного мира.

Позитивные аспекты глобализации сводятся к следующему.

Произошло большее, чем прежде, приобщение человечества к достижениям современной цивилизации. Возникли благоприятные условия для преодоления национальной и этнической замкнутости. Значительно расширились возможности получения информации. Международное разделение труда обеспечило его более высокую производительность и способствовало снижению себестоимости производимой продукции. Повысился уровень жизни части населения экономически наиболее развитых государств, выступающих как основная глобализирующая сила.

Высокими темпами развивается экономика новых индустриальных государств – Малайзии, Сингапура, Тайваня, Южной Кореи, а также Аргентины, Бразилии и Мексики. Эти темпы в значительной степени связаны с массовым производством современной продукции на основе технологий, разрабатываемых в странах «золотого миллиарда».

Немалую выгоду от глобализации получают крупные поставщики энергии, ресурсов и сырья. Прежде всего, это страны Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

В мощный центр мирового влияния превращается Китай с его гигантским демографическим, растущим экономическим и военным потенциалом. Заметно ускорилось развитие Индии, Индонезии и Филиппин. Однако в этой части мира сохраняется бедность значительной части населения.

Все перечисленные страны и режимы приобщены к процессам глобализации в основном с положительным балансом. Вместе с тем в последние десятилетия отчетливо выявились негативные последствия глобализации, по многим параметрам противоречащие интересам большей части населения планеты.

Увеличивается разрыв в уровне экономического развития и вовлеченности в процессы глобализации между богатыми и бедными странами. Среди последних оказалось большинство стран Африки «юж-

нее Сахары», некоторые страны Азии и Латинской Америки, составляющие обширную зону так называемого «четвертого мира». Экономика этих стран остается отсталой, патриархальной, слабо включенной в глобализационные процессы.

На условиях существования населения негативно сказывается задолженность этой части мира транснациональным корпорациям и международным институтам. Широко рекламируемое периодическое списание задолженности бедствующих государств не вносит сколько-нибудь существенных изменений в положение населения.

Даже в некоторых развитых странах зона глобализации остается ограниченной. Так, в Италии в сферу ее действия входит только северная часть.

Было бы, однако, неверным всю ответственность за бедственное положение стран «третьего мира» возлагать на Запад. Большинство экономических и политических проблем развивающихся стран порождены не столько тяжелым наследием колониального прошлого, сколько неэффективной политикой их руководства, обогащением местной верхушки – и отчасти – сформировавшейся у народов привычки к паразитизму.

Банкротство многих режимов развивающихся стран может быть проиллюстрировано следующими фактами. Объем внешнего долга 50 беднейших стран за последние четыре десятилетия XX в. вырос в 7 раз, несмотря на списание обязательств и реструктуризацию платежей. Даже в странах, располагающих значительными природными ресурсами, происходит снижение жизненного уровня. Так, в Саудовской Аравии с ее крупнейшими в мире запасами нефти показатели ВВП на душу населения в начале XXI в. составили лишь 37 % от уровня 1980 г.

При этом хозяйственное развитие «третьего мира» сопровождается негативными побочными эффектами для всего человечества. С середины 60-х годов суверенные государства «мирового Юга» внесли основной вклад в увеличение площади пустынь (на 76 %) и сокращение пространства, занимаемого лесами (в 1,4 раза)¹.

Концентрация выгод и возможностей, открываемых глобализацией, в относительно небольшом числе стран и наличие обширных зон хронической бедности в недалеком будущем способно серьезно обострить обстановку в мире. Преодоление сложившейся ситуации возможно лишь согласованными усилиями мирового сообщества, прежде всего наиболее развитых государств.

¹ См.: Свободная мысль. 2003. № 11. С. 5.

Строительство миропорядка XXI в. несовместимо с навязыванием странам «периферии» политических, социальных и экономических моделей, эффективно функционирующих в странах Севера. Тем не менее руководство единственной сверхдержавы – Соединенных Штатов – все чаще прибегает к вмешательству во внутренние дела «периферийных государств», стремясь не только привить их народам демократические ценности, но даже сформировать новые нации в регионах, погруженных в хаос. Последствия этой политики могут оказаться катастрофическими как для развивающихся стран, так и для всей системы отношений между «центром» и «периферией».

Под воздействием глобализации новые острые проблемы возникли в развитых странах так называемого «золотого миллиарда», где на протяжении последних десятилетий наблюдаются рост экономики и благосостояния.

При возросшей взаимозависимости экономик кризисные процессы в зоне слаборазвитых государств вызывают серьезные потрясения в странах промышленно развитого Севера. Подтверждением быстрого распространения локальных экономических сбоев на другие районы мира могут служить азиатский и латиноамериканский финансовые кризисы 1997–1998 гг., переросшие в мировой финансовый кризис.

Ослабла конкурентоспособность продукции, производимой в развитых странах, вследствие создания ее аналогов в странах с дешевой рабочей силой. Обостряется проблема занятости в связи с переносом ряда производств в развивающиеся страны, где непосредственно добывается необходимое сырье и ниже затраты на рабочую силу.

Все это, в свою очередь, заметно ухудшает социальные отношения: ослабевает доверие населения к политике правительств, усиливается отчуждение между гражданами и элитами. Хотя такие явления далеки от критической черты, за которой начинаются социальные потрясения, они негативно сказываются на политической атмосфере.

Существенно осложняет ситуацию в сравнительно благополучных странах так называемый новый национальный вопрос, порожденный выросшими масштабами иммиграции в основном из афро-азиатских государств, отставших в экономическом развитии, страдающих от военных и этноконфессиональных конфликтов. Массовый приток иностранцев с иными культурами, образом мысли и укладом жизни обострил, прежде всего, социальные проблемы, поставил под угрозу национальное и культурное своеобразие европейцев, а в последнее время, в связи с ростом исламского экстремизма, – и национальную безопасность государств. Масштабы этой проблемы вышли далеко за рамки регулируемых.

По сути, в странах, принимающих иммигрантов, начали складываться новые многочисленные национальные меньшинства, четко осознающие свою этническую специфику, свои интересы и возможности их отстаивания в ареале нового проживания. Реакцией на сложившуюся ситуацию становится все более неприязненное отношение граждан к иммигрантам, нередко перерастающее в нетерпимость, проявляющуюся не только на бытовом, но и общественном уровне.

Практически во всех странах Европы идея синтеза и многообразия культур сменилась стремлением к «жесткой интеграции» мигрантов в европейское общество на условиях компромисса: гражданские права соблюдаются в том объеме, в котором они не вступают в противоречие с национальными интересами и культурными традициями принимающих государств.

Как показывает мировой опыт, ни одна страна не смогла выработать миграционную политику, эффективно отстаивающую интересы коренного населения и переселенцев из стран «третьего мира».

Сопутствующая глобализации информационно-культурная экспансия Запада угрожает основам национальной культуры народов, вызывает кризис идентичности. Ответной реакцией нередко становится завышенная оценка культурного своеобразия и самобытности народов, что создает благоприятную почву для религиозного фундаментализма. Унификация поведения, культуры и норм бытия на базе англосаксонской модели может стать причиной межцивилизационных конфликтов.

Прогрессирующая проницаемость государственных границ, беспрепятственное перемещение товаров и капиталов, развитие информационных технологий явились важными предпосылками обретения терроризмом международного измерения, превращения его в острейшую проблему долговременного характера.

Справедлива констатация американского ученого С. Хоффманна в связи с террористической атакой против Соединенных Штатов 11 сентября 2001 г.: «Это нападение показало <...>, что при всех ее достоинствах глобализация открывает перед безнадежными фанатиками легкий путь к совершению ужасных актов насилия. Терроризм – это кровавое звено, соединяющее межгосударственные отношения с глобальным обществом»¹.

Глобализация способствовала приобретению организованной преступностью наднационального характера. Вследствие все большей открытости границ и беспрецедентно высокой мобильности, сейчас

¹ *Hoffmann S. Clash of Globalizations // Foreign Affairs. 2002. July – August. P. 104–105.*

стремительно и массово распространяются болезни, прежде разносимые завоевателями и естественными переносчиками.

В целом процессы глобализации носят американоцентричный характер. Соединенные Штаты как единственная сверхдержава извлекают из глобализации наибольшие выгоды и стремятся укрепить доминирующие позиции в международных отношениях. Известная фраза 42-го президента США Б. Клинтона: «Глобализация – это Америка», – не является политической риторикой.

Переживающая подъем Азия будет во все большей степени влиять на глобализацию, «деамериканизируя» этот процесс и делая его все более азиатским по форме и содержанию.

Таков в общих чертах сложный баланс позитивных и негативных последствий глобализации.

Представляется справедливой оценка последствий глобализации известным американским экономистом Дж. Стиглицем: «Те, кто демонизирует глобализацию, слишком часто упускают из виду ее полезные результаты. Однако сторонники глобализации отличаются еще большей предвзятостью. Для них глобализация (которая обычно ассоциируется с торжествующим капитализмом американского типа) и есть прогресс, развивающиеся страны должны принять его, если они хотят эффективного роста и преодоления бедности. Однако большому числу стран глобализация не принесла обещанных экономических выгод»¹.

Критики глобализации не отрицают ее объективный характер, но выступают против той конкретной формы, в которой она осуществляется, против навязываемой вестернизации и американизации. Они заявляют о своей приверженности «другой глобализации», свободной от издержек нынешней и прежде всего от углубления социального неравенства между богатыми и бедными странами и унификации культуры по американскому образцу.

Важной особенностью мировой политики на рубеже XX–XXI вв. стало появление массового движения против негативных последствий глобализации, которое заявило о себе демонстрациями в Лондоне, Сиэтле, Вашингтоне, Праге, Давосе и других городах. Участники движения за альтернативную глобализацию стремятся приурочивать свои выступления к встречам глав государств «Большой восьмерки», саммитам организаций глобалистского направления (МВФ, ВТО), ежегодным экономическим форумам в Давосе, проводимым влиятельными финансистами, бизнесменами и политиками. С каждым годом подобные демонстрации приобрета-

¹ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 23.

ют все больший размах и носят ярковыраженный антиамериканский характер.

Для антиглобалистского движения характерны рост численности, расширение социального и политико-идеологического состава. В нем участвуют «зеленые» разных стран, сторонники оказания помощи развивающимся странам, многочисленные ассоциации защиты гражданских прав (феминистские, молодежные, борьбы против расизма, отставания прав иммигрантов и меньшинств), политизированные течения и клубы преимущественно левого толка (антивоенные, антиавторитарные, анархистские и т. д.).

Связь между разными компонентами движения и зачастую внутри них поддерживается благодаря современным средствам коммуникации и, прежде всего, Интернету. От Интернета движение берет свой основной – сетевой – принцип организации и управления. Такая гибкая система позволяет структурам решать не только сложные проблемы взаимоотношений, но и многообразные задачи транспортировки, размещения и обеспечения питанием участников манифестаций; пропагандистского обеспечения и информирования; поддержания контактов с местными властями и населением.

К числу основных требований антиглобалистов относятся:

– списание долгов развивающихся стран и государств Восточной Европы;

– выработка новых правил международного кредитования, в частности, запрет финансовым институтам выдвигать условия, ограничивающие суверенитет (в том числе право народа самому выбирать экономическую систему и хозяйственную политику);

– замена МВФ и Всемирного банка системой региональных банков, функционирующих на демократической основе¹.

Как отмечают российские исследователи проблем антиглобализма, это движение в территориальном плане не ограничивается только странами Севера. Антиглобалистские структуры проникают и в развивающиеся страны, особенно те, где для этого имеется идеологическая основа и социальная база, представленная неправительственными организациями левого направления, имеющими опыт работы на глобальном уровне².

В начале XXI в. на роль международной политической организации, объединяющей антиглобалистские движения, активно претендует Всемирный социальный форум (ВСФ). В документах этой орга-

¹ США – Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 3. С. 123.

² Рогожина Н. Г. Политическое лицо антиглобалистов // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 6. С. 32.

низации говорится о необходимости регулирования и придания социальной ориентации процессам глобализации, о справедливом перераспределении средств и ресурсов между развитыми и развивающимися странами.

На современном этапе в антиглобалистском движении прослеживается противостояние умеренного и радикального направлений. Представители умеренного направления отдают предпочтение ненасильственным формам проведения акций, стремятся предотвратить возможность маргинализации движения.

Несмотря на языковые, этнонациональные, религиозные, идейно-политические различия состава участников, антиглобалистское движение обладает значительным потенциалом самоорганизации. Несомненная заслуга этого движения в том, что оно формирует осознание важности проблем, порождаемых глобализацией.

Антиглобалистское движение, противостоящее наднациональным центрам финансово-экономической власти, можно рассматривать как одну из зачаточных форм глобального гражданского общества. Такого мнения, в частности, придерживаются авторитетные исследователи Лондонской школы экономики, возглавляемой известным социологом и признанным идеологом лейборизма Э. Гидденсом. Эта позиция отражена им в ежегоднике «Глобальное гражданское общество»¹.

СССР изначально не реализовал возможности продуктивного участия в процессах глобализации. Его руководители не без оснований опасались последствий этих процессов для тоталитарного режима и своей неограниченной власти.

России глобализация сулит, наряду с общими для других государств преимуществами, и немалые опасности. В настоящее время страна с гигантским природно-сырьевым потенциалом участвует в глобализационных процессах в качестве сырьевого придатка промышленно развитых стран. Одна из наиболее насущных задач России – преодолеть зависимость экономики от экспорта сырья, осуществить инновационный прорыв, оптимально вписаться в процессы глобализации, не став жертвой агрессивного гегемонизма. Российской внешней политике предстоит обеспечить безопасность страны, защитить ее суверенитет и создать условия для всесторонней модернизации.

В российском массовом сознании существует, с одной стороны, убеждение в цивилизационной «особости» страны, а с другой – пони-

¹ См.: Global Civil Society / Eds. H. Anheier, M. Glasius, M. Kaldor. Oxford, 2001–2002.

мание того, что «сокрушение» Запада и активное противодействие глобальной интеграции народов и государств (к чему призывают некоторые радикалы) может привести к негативным последствиям для экономики России и уровня жизни ее граждан. Постимперское сознание части населения исходит из иллюзорных представлений о неограниченных природных ресурсах страны и ищет ответы на вызовы глобализации в возможности их длительной экстенсивной эксплуатации, а не в инновационном развитии.

Перспективы участия России в глобализационных процессах во многом будут зависеть от формирования такой ментальности элиты и общества, которая позволяла бы реалистически оценивать их последствия, сильные и слабые стороны своей страны, не разделяя государства на «друзей» и «врагов». Ее внешняя политика могла бы способствовать регулированию процессов глобализации, преодолению раскола человечества на «золотой миллиард» и «зону бедности».

Имеющиеся в России группы антиглобалистов поддерживают контакты с организациями других стран и пытаются участвовать в совместных акциях. Перспективы превращения этих групп в антиглобалистское движение пока неясны. Вместе с тем при изменении социально-экономической и политической ситуации в стране их потенциал может быть использован левыми радикалами и анархистами для «демонизации» процессов глобализации и их последствий.

Контрольные вопросы

1. Сформулируйте определение понятия «глобализация».
2. Раскройте содержание глобализационных процессов.
3. Каковы позитивные последствия и издержки глобализации для человечества?
4. Какими причинами вызвано антиглобалистское движение и каковы его основные особенности?
5. Почему СССР не вписался в процессы глобализации?
6. Какой Вам видится роль России в процессах глобализации?

Рекомендуемая литература

Антиглобализм и глобальное управление: Доклады, дискуссии. Справочные материалы. М., 2006.

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М., 2001.

Войтоловский Ф. Идеино-политические процессы внутри антиглобалистских движений // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 2.

Глобализация и Россия: Проблемы демократического развития. 2-е изд. М., 2005.

Горбачев М. С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М., 2003.

Люттов А. А. Антиглобалистское движение в конце 1990-х – начале 2000-х годов // США – Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 3.

Кастельс М. Информационная эпоха. Личность, общество, культура. М., 2000.

2. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО

В глобализирующемся мире одним из наиболее обсуждаемых вопросов является роль государства как политического актора¹. Во многих исследованиях по проблематике глобализации приводится мысль об эрозии этого института и отсутствии у него перспектив. Сторонники такой точки зрения полагают, что интеграционные процессы ведут к девальвации роли государства, росту влияния межгосударственных и неправительственных организаций, к усилению взаимозависимости всех субъектов мировой политики и, в конечном счете, к формированию глобального самоуправляющегося сообщества, функционирующего по единым правилам и регулируемого едиными законами. Они апеллируют к таким реалиям, как все большая проницаемость границ для людей и капиталов, преодоление прежних четких различий между внутренней и внешней политикой, выход регионов на международный уровень.

Этой же аргументацией обосновывается тезис о «размывании суверенитета» государств и «десуверенизации». По мнению сторонников тезиса, в XXI в. часть государственного суверенитета перейдет к надгосударственным организациям, роль которых будет возрастать. В правовой науке и теории международных отношений дискутируется вопрос об «эрозии» и даже «крушении» так называемого Вестфальского порядка (1648), который положил конец Тридцатилетней войне в Западной Европе и открыл путь к становлению системы территориально организованных суверенных государств.

Тезис о том, что государство как главный международный актор и носитель суверенитета уступает место наднациональным структурам, характерен для глобалистского подхода к мировой политике, основывающегося на идеях либерализма. Его со всей определенностью формулирует один из создателей теории комплексной взаимозависимости Р. Кеохэйн: «Государство, оставаясь наиболее важным типом актора в мировой политике, уже не играет столь доминирующую роль, как это было в прошлом: возросло значение транснациональных отношений в противовес межгосударственным. Транснациональные формы коммуникации – от вещания на коротких волнах и спутников связи до Интернета – ослабили контроль государства над информационным потоком. Прямые иностранные инвестиции означают активное присутствие транснациональных корпораций во всех уголках мира. Исключительное понимание суверенитета как контроля

¹ Актор – политологический термин, обозначающий действующее лицо, субъект политической или социальной деятельности.

над населением на четко обозначенной территории поставлено под сомнение возможностями оказывать воздействие на государство извне для решения широкого круга проблем от прав чело­в. до охраны окружающей среды»¹.

Изложенная позиция имеет под собой серьезные основания и отражает глубинные процессы становления новой политической структуры мира. Тем не менее на современном этапе глобализации перед лицом многочисленных угроз национальной безопасности она представляется упрощенной, не учитывающей назревшую потребность человечества в корректировке функций государства как важнейшего института политической системы.

Обратимся к существу проблемы.

Прежде государственные институты определяли параметры национальной экономической политики: контролировали состояние финансов, предписывали условия производства, регулировали направление товарных потоков, устанавливали правила внешнеторговой деятельности и т. д. Глобализация финансовой, производственной и торговой сфер существенно ослабила возможности участия национальных государственных институтов в деятельности такого рода.

Прерогативой государства всегда считался более или менее жесткий пограничный контроль над перемещением людей и товаров. Сейчас возможности такого контроля хотя и сохранились, но не являются столь полными, как прежде.

Раньше государственные институты оказывали решающее влияние на формирование духовной атмосферы в своей юрисдикции. Сейчас их прерогативы в этой области существенно ограничены ввиду возникновения и функционирования мирового коммуникационного сообщества.

Ослабевает контроль национального государства над населением. Это отражается и на правовой сфере, где международное право получает приоритет над национальным. Европейский суд рассматривает иски граждан к «своим» государствам.

Прежде государственная власть располагала полной свободой при определении внешнеполитических решений. Сейчас эта свобода становится относительной из-за необходимости действий, скоординированных на международном уровне с многочисленными субъектами мировой политики – межправительственными и неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, нередко превосходящими государства по своим ресурсам.

¹ Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клигеманна; пер. с англ. М., 1999. С. 438.

Еще несколько десятилетий назад суверенные права международно-непризнанных государств считались нерушимыми, а посягательство на них – нелегитимным и подлежащим осуждению. Ныне понятие национального суверенитета все чаще провозглашается устаревшим, а его нарушение допустимым, прежде всего во имя обеспечения прав человека. Возрастает стремление наиболее могущественных государств оказывать воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию в отдельных странах с целью унификации их общественного устройства по западному образцу. Наглядной иллюстрацией тому служит курс Соединенных Штатов на принудительную демократизацию расширенного Ближнего Востока.

Увеличение разрыва между суверенитетом де-юре и суверенитетом де-факто проявляется в передаче государствами своих полномочий не только межгосударственным образованиям, но и «вниз» – региональным и муниципальным структурам.

В наиболее развитой форме процесс делегирования части государственного суверенитета происходит в Европейском Союзе, но тенденции подобного рода наблюдаются и на других континентах. Совет Европейского Союза во все большей степени становится реальным «международным» правительством, перенявшим часть функций правительств стран-членов ЕС и, по существу, подчиняющим их своим решениям и директивам. Внутригосударственные регионы Европы – значимые и влиятельные субъекты политики, устанавливающие связи с приграничными регионами соседних государств, а иногда и с иностранными государствами. В силу особенностей инфраструктуры близлежащих регионов соседних государств, эти связи могут быть более тесными, чем региональные, внутри государств. Характерный пример возникновения и укрепления трансграничных региональных связей – ассоциация промышленно развитых регионов востока Франции, северо-востока Испании, юга Германии и севера Италии.

Авторитетные эксперты придерживаются мнения, что XXI в. может ознаменоваться разукрупнением существующих национальных государств. Согласно большинству сценариев, разработанных официальными аналитическими центрами при ЕС, прогнозируется качественное возрастание роли регионов ЕС, а в ряде случаев и практическая замена ими национальных государств¹.

Существует, однако, и другая сторона воздействия глобализации на государство, способствующая усилению и модификации его функций.

¹ См.: *Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия* / под ред. М. М. Лебедевой. М., 2000. С. 65.

Снижение роли суверенных государств в глобализационных процессах не сопровождается созданием легитимных органов власти на глобальном уровне, которые были бы подконтрольны гражданам. В складывающейся ситуации существует вероятность возникновения наднациональных структур авторитарной направленности, выражающих интересы ограниченного числа наиболее влиятельных международных субъектов.

Поэтому национальное государство может оказаться перед необходимостью решения двуединой задачи: с одной стороны, защиты национальных очагов демократии от транснациональных источников авторитаризма, с другой – развития демократии в таких формах, которые способствовали бы целостности мирового сообщества.

Как известно, классическая концепция демократии исходит из того, что народовластие базируется на общем интересе, по крайней мере, большинства граждан, и этот интерес реализуется с помощью демократических институтов. Новые технологии способствуют дроблению и дифференциации общества. Прежние формы социально-классовой и этнонациональной солидарности исчезают. Углубляется плюрализм интересов, позиций и взглядов. Электронные средства коммуникации создают особые формы межперсонального общения, минуя посредничество социальных и политических образований. Соответственно, ослабляется общественный контроль над решениями и действиями элит.

Ограничить действие этих тенденций можно лишь на национально-государственном уровне. Именно государство представляет собой сложившуюся структуру, которая призвана концентрировать и выражать общенациональные интересы, являющиеся результатом взаимодействия многообразных частных интересов. Чем дееспособнее государство, тем эффективнее выполнение им данной задачи.

По мере углубления глобализации возрастает также значение государственных институтов как гаранта социальных завоеваний. Глобализация производственной деятельности в межгосударственных масштабах делает необходимой и глобализацию институтов социального партнерства. Однако этого не произошло. В результате у глобальных производителей имеются лишь национально-организованный социальные партнеры. Поскольку их возможности несопоставимы, производители получают серьезные преимущества над наемной рабочей силой, которые используются или могут быть использованы для демонтажа социальных гарантий.

Отсутствие глобализированных социальных партнеров порождает ряд проблем более частного порядка. Как обеспечить равноправие

наемных работников, занятых в национальном и транснациональном производстве? На какой основе и в каких пропорциях должны распределяться налоговые отчисления, поступающие от транснациональных корпораций? Каким образом можно гарантировать поступления в национальный фонд от корпораций, руководство которых находится за рубежом?

Ввиду отсутствия наднациональных институтов, способных решать эти проблемы, ими должно заниматься национальное государство. Это, в свою очередь, означает, что в обозримой перспективе значение его деятельности в социальной сфере не только не ослабнет, но, напротив, существенно увеличится.

Вызываемая глобализацией тенденция унификации мира не ведет к исчезновению цивилизационных различий, особенно в сферах культуры, образа жизни, моделей поведения. Напротив, происходит небывалый рост социокультурного своеобразия и самобытности. Отсюда насущная задача национального государства – способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению самобытности, направляя его в русло солидарности и терпимости. Пока у человечества нет других действенных институтов, способных справиться с этой задачей.

Следует учитывать и то, что глобализация приводит к болезненной ломке общественных отношений и стереотипов поведения. На этой основе накапливается потенциал конфликтности, возникают массовые движения протеста. Только национальные государства способны предотвратить или ограничить разрушительные действия противников глобализации, направить сопротивление ее негативным аспектам в конструктивное русло.

В странах Запада возникла острейшая коллизия между потребностью экономики в дополнительной рабочей силе, пополняющейся в основном за счет переселенцев из третьего мира, и антииммигрантскими настроениями значительной части общества. Сохранение идентичности принимающих наций, интеграция иммигрантов в новую среду и противодействие проявлениям расизма становится одним из важнейших направлений деятельности государства.

В развитых странах государство, как правило, не осуществляет непосредственное управление экономикой, но оно обеспечивает правовой порядок в хозяйственной сфере, способствует повышению эффективности отечественных предприятий, стимулированию конкурентоспособных отраслей производства. В распоряжении правительства имеются механизмы перераспределения производимого национального продукта, возможности маневрировать «пирогом»

госзаказов, доступ к которым значим для любых корпораций. Государственные структуры определяют «правила игры» корпораций на экономическом пространстве.

Наконец, ТНК и ТНБ, которые часто рассматриваются как фактор разрушения суверенитета государств, вместе с тем имеют национальную принадлежность, в определенных странах располагают свои штаб-квартиры и уплачивают налоги. Они представляют в мире вполне конкретные государства, выражая их интересы и получая от них необходимую поддержку, особенно в кризисных ситуациях. Даже технологический уровень ТНК отражает уровень страны-принадлежности.

По целому ряду важнейших направлений деятельности ТНК, особенно если они затрагивают сферу национальной безопасности, государство регулярно осуществляет контролирующее и корректирующее воздействие. Примером тому могут служить ограничительные меры государства в отношении поставок американскими ТНК некоторых современных технологий в Китай, несмотря на экономическую выгодность этих поставок.

В свою очередь, ТНК и ТНБ выступают в качестве орудия упрочения позиций «своих» национальных государств в различных регионах мира. Их экономическая деятельность, несмотря на транснациональный характер, сохраняет прочные связи с национальной почвой.

При всей масштабности и значимости экономической интеграции как фактора глобализации, крупные государства с большим ВВП реализуют его основную долю на внутреннем рынке и в сравнительно незначительной степени зависят от других государств. Они, в целом, суверенны в формировании и осуществлении национальной стратегии и не привязывают свою экономику к геоэкономическим комплексам, чьи интересы могут не вполне совпадать с их собственными.

Роль государства особенно велика для динамизации развития многих стран «третьего мира» и посттоталитарных государств, где еще не сложились механизмы социально-экономического саморегулирования, которые могли бы воспрепятствовать насаждению частных и групповых интересов, бюрократическому произволу и проявлениям идеологических пристрастий. В современной России без целенаправленного влияния государства на экономические процессы невозможно сформировать эффективный рыночный механизм, сделать его системообразующим фактором всей хозяйственной жизни.

Реальная практика многих государств, особенно крупных, свидетельствует об активном отстаивании ими своего суверенитета.

Лидер глобализации – Соединенные Штаты – в последние годы существенно ужесточили свою позицию по основным вопросам внешней и военной политики. Для укрепления своих позиций в мире они нередко ущемляют суверенные права других государств.

При всей специфике политики Китая и Индии по обеспечению своего суверенитета в их линии поведения много общего: обладание мощными вооруженными силами, включая силы и средства ядерного сдерживания; стремление создать собственную оборонную промышленность на основе наукоемких производств; развитие прикладной и фундаментальной науки. Оба государства не связывают себя обязательствами с субъектами мировой политики, которые ограничили бы свободу их действий.

Голосование в ходе референдумов по Конституции Европейского Союза показало, что народы ряда государств, по существу, высказались против утраты суверенитета. В рамках ЕС стремление сохранить суверенитет особенно характерно для Франции с ее богатыми традициями государства-нации.

Умело обеспечивают реальный суверенитет и некоторые сравнительно небольшие государства. Так, например, Швейцария отстояла свою независимую банковскую систему и швейцарский франк как авторитетную валюту. Сохранению суверенитета страны в немалой степени способствует ее система обороны с ярковыраженной национальной спецификой.

Из этих фактов видно, что в условиях развития наднациональных и транснациональных процессов, наряду с десуверенизацией, происходит укрепление суверенитета ряда государств, которые благодаря этому добиваются крупных успехов в своем экономическом, культурном и социальном развитии.

Десуверенизация ряда государств в результате их распада (Советский Союз, Югославия, Чехословакия) сопровождается процессом национально-государственной суверенизации, проявляющимся в общем росте численности наций-государств, в том числе и на территории прежних государственных образований. Этому способствуют такие факторы, как потребность этносов, находившихся ранее в составе других государств, в самореализации; рост националистических настроений, стимулируемых, в том числе, и процессом десуверенизации; межэтнические противоречия, пребывавшие в латентном состоянии, и др.

Таким образом, национальное государство изживает себя лишь в тенденции. И в эпоху глобализации этот институт сохраняет военно-политические функции, осуществляет административно-распоряди-

тельную и регулирующую деятельность в разных сферах общества. Глобализация «вписывает» государство в сложные интеграционные структуры, участие в которых невозможно без его социально-экономической состоятельности и международной ответственности.

Несмотря на ослабление своих позиций, национальные государства в среднесрочной перспективе останутся главными акторами мировой политики, и их отношения будут решающим образом влиять на архитектуру международных связей. Динамику политических процессов определяют национальные потребности в нефти и энергетических ресурсах, территориальные и геоэкономические проблемы. Поэтому необходимо своевременное приспособление государственных форм общественного устройства к меняющимся условиям.

Контрольные вопросы

1. Перечислите аргументы сторонников тезиса об эрозии государства и «десуверенизации». В чем проявляется упрощенность этого тезиса?
2. Назовите факторы, способствующие усилению и модификации функций государства.
3. Какие задачи решает современное государство в условиях глобализации?
4. Почему государства остаются главными акторами мировой политики?
5. Приведите конкретные доказательства отстаивания государствами своего суверенитета.

Рекомендуемая литература

Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М., 2003.

Глобализация и Россия: проблемы демократического развития. 2-е изд. М., 2005.

Горбачев М. С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М., 2003.

Луценко К. Кто победит? Национальное государство в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2006. № 3.

Мнацаканян М. О. Глобализация и национальное государство: три мифа // Социс. 2004. № 5.

3. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Глобализация многопланово воздействует на политическую сферу, способствуя утверждению феномена «глобальной демократии». Представляются вполне правомочными рассуждения американского политолога Ф. Шмиттера по поводу политических последствий глобализации: «Если все измерения коллективного существования – производство, коммуникации, тождество и власть – сами собой движутся в сторону планетарного слияния, почему бы нам не поднять на тот же уровень (конечно, постепенно) и демократические институты? Попытки противостоять этой динамике на национальном или <...> региональном уровне обречены на поражение, так что тот, кто первым примет эту динамику и заранее подготовиться к ней, установив у себя соответствующие глобальные нормы и институты, окажется во главе наступающего тысячелетия»¹.

Градиозные демократические сдвиги последних десятилетий, прежде всего ликвидация тоталитарных режимов в СССР и странах Восточной Европы, дали мощный импульс исследованию демократизации обществ и государств как глобального процесса. В течение этого периода возникли различные в содержательном и мировоззренческом плане концепции – «конца истории» Ф. Фукуямы, «третьей волны» демократизации С. Хантингтона, «теледемократии» и «кибердемократии».

В опубликованной в 1989 г. статье американского ученого Ф. Фукуямы «Конец истории?» выдвинут тезис о завершении идеологической эволюции человечества и универсализации либеральной демократии как окончательной формы правления. На этом основании делался вывод о том, что с прекращением идеологического соперничества международные отношения утратят конфликтный характер и установится новый мировой порядок, исключающий потрясения глобального масштаба.

Действительность сравнительно быстро опровергла концепцию Ф. Фукуямы и заставила ее создателя существенно скорректировать чрезмерно оптимистический прогноз относительно торжества либеральных ценностей, знаменующих собой последнюю стадию исторического развития человечества. В его последующих публикациях прогнозируется возможность изменения человеческой природы в результате прогресса науки, особенно биологии, и вступления истории в «постчеловеческую эру», абсолютно непредсказуемую в политическом плане.

¹ Шмиттер Ф. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? // Логос. 2004. № 2. С. 143.

Значительно более основательной в научном и реалистичной в политическом плане оказалась концепция «третьей волны» демократизации, разработанная американским политологом С. Хантингтоном. В его работе «Третья волна. Демократизация на исходе XX в.» даны периодизация и содержательная характеристика трех волн демократизации. Рассмотрим концепцию исследователя подробнее.

Первая волна зародилась в США в начале XIX в. и достигла своей кульминации после Первой мировой войны. Она привела к образованию примерно тридцати демократических государств. Затем последовала антидемократическая реакция – становление фашизма в Италии, нацизма в Германии, сталинизма в СССР.

Вторая волна охватывает период с конца Второй мировой войны до 60-х годов XX в. и связана с победой над фашизмом, антиколониальными революциями.

Третья волна началась с ликвидации авторитарных режимов в Греции, Португалии и Испании во второй половине 70-х годов, охватила Латинскую Америку, некоторые страны Азии (Турцию, Филиппины и Южную Корею) и с конца 80-х годов – страны Восточной Европы и СССР. В ходе демократических преобразований возникло почти сорок демократий. Вне влияния «третьей волны» оказались лишь мусульманские страны и такие «коммунистические анклав», как Северная Корея и Куба.

Содержание нынешнего этапа «третьей волны» демократизации, согласно С. Хантингтону, составляет переход из фазы экспансии в фазу консолидации: укоренение демократии, становление демократических институтов и усиление их влияния, укрепление международных связей в сообществе демократических наций. Консолидация новых демократий требует усилий в разных направлениях – воспитания терпимости, обеспечения главенства законов, уменьшения власти военных и бывших коммунистических руководителей, повышения эффективности демократических институтов, предотвращения чрезмерной консолидации полномочий в руках одной из ветвей власти, оказания странами Запада всемерной помощи государствам, ставшим на демократический путь развития. Успешное завершение «третьей волны» демократизации, полагает С. Хантингтон, заложит основы «четвертой волны», которая принесет демократию в незападные и более бедные регионы мира, где ее пока нет.

Концепция «третьей волны» демократизации базируется на следующих основных «посылах».

Во-первых, в связи с глобальным характером перехода к демократии на форму и интенсивность демократических процессов в отдельных странах, возрастающее влияние оказывает международный фактор. Демократизация охватывает и сферу международных отношений, снижая вероятность войн.

Во-вторых, демократия все чаще выступает как самоценность, не связанная с прагматическими, инструментальными целями. Демократические ориентации относительно устойчивы даже в условиях экономических кризисов.

В-третьих, действуют факторы как реверсивного движения (отката ряда стран от демократического устройства), так и создания условий для возникновения «четвертой волны» демократизации, появления новых форм демократии.

Ученые, комментируя концепцию С. Хантингтона, отмечают, что «третья волна» демократизации возникла в условиях растущей притягательности демократических моделей западного типа, но ее результаты не дают оснований для вывода о продвижении к единой и универсальной демократической модели. Обращается внимание на следующие обстоятельства. Обнаружились недостатки внутренней организации существующих демократий и противоречивость протекающих в них процессов. Не оправдал возлагавшиеся на него надежды так называемый демократический транзит (переход от авторитаризма к демократии), поскольку в ряде стран возникли гибридные (полудемократические-полуавторитарные) режимы или даже варианты нового авторитаризма (в частности, в Туркмении и Белоруссии). Рост террористической угрозы снижает эффективность ненасильственных способов разрешения конфликтов и, в связи с необходимостью обеспечения безопасности, негативно влияет на обеспечение демократических прав и свобод. Антидемократическими по своему характеру являются попытки «экспорта» демократии с использованием в качестве инструмента вооруженных сил. Эти обстоятельства нередко истолковываются как проявления кризиса демократии, затухание или даже завершение «третьей волны» демократизации.

В исследованиях современного этапа демократизации значительное внимание уделяется условиям перехода к демократии. К их числу ученые относят осознание элитой и обществом необходимости демократических преобразований, согласие элит по поводу правил управления государством, влияние культурно-исторических традиций, рост экономики и благосостояния, повышение уровня грамотности и образования населения, развитие средств массовой коммуникации и др.

В формирующемся информационном обществе широкое распространение получают новые трактовки народовластия, которые отра-

жены в концепциях теле- и кибердемократии. Их появлению предшествовали публикации 60–80-х годов, провозглашавшие наступление новой электронной эры, когда благодаря СМИ будет обеспечено массовое участие граждан в политике, позволяющее им самим принимать решения, не передоверяя эту функцию органам представительной власти. Однако реальная практика этого периода принесла немало свидетельств использования информационных технологий в целях примитивизации общественного сознания, искажения реальной воли масс.

Поэтому, наряду с надеждами на выявление «демократизирующего потенциала» информационных технологий, все шире распространялась тревога по поводу их использования для манипулирования общественными настроениями, укрепления иерархических институтов власти и, в конечном счете, для усиления контроля над обществом.

Концепция теледемократии – первая из таковых, появившихся на волне новых ожиданий по поводу перспектив демократизации политики, создаваемых электронными технологиями. Она основывается на разработках ряда известных ученых (О. Тоффлер, Дж. Нэсбитт и других) и исходит из идеи использования возможностей кабельного и спутникового телевидения для выработки публично-властных решений.

Концепция пользуется наибольшей поддержкой в США, где еще в начале 90-х годов интенсивно обсуждалось предложение кандидата в президенты Р. Перро о проведении телевизионных городских собраний. Некоторые исследователи даже предрекали превращение Соединенных Штатов в «электронную республику» с преобладанием элементов прямой демократии.

Концепция кибердемократии исходит из возможности использования компьютерных сетей для интерактивного взаимодействия граждан, общественных организаций и органов власти. Согласно этой концепции, образование киберпространства изменит поведение и ментальность граждан, создаст условия для появления принципиально новых форм демократии.

Утверждения политологов о новых горизонтах, открывающихся перед демократией благодаря Интернету, подхватываются политиками разных политических ориентаций. Вице-президент в администрации Б. Клинтона А. Гор, оказавший активную политическую поддержку развитию Интернета в своей стране, в одном из своих выступлений провозгласил: «Глобальная Информационная Инфраструктура повсеместно распространит демократию участия.

В известном смысле эта Инфраструктура станет некоей метафорой самой демократии»¹.

При всей своей привлекательности обе концепции, конечно, преувеличивают роль электронных технологий в развитии общества. В формирующемся информационном обществе прямая демократия существует и, видимо, будет существовать в ограниченных формах, адаптированных к представительному правлению.

Коммуникативные и информационные технологии, используемые в сфере публичной власти, направлены главным образом на совершенствование представительной власти. Их внедрение позволяет наладить прямой диалог между управленческими структурами и общественностью, повышает открытость власти, облегчает гражданам доступ к информации и т. д. Но право принятия властных решений остается за представительными и исполнительными органами и не делегируется народу.

Исследования роли новейших информационных технологий в политической жизни европейских стран показали, что эти технологии как таковые не определяют общественную активность граждан и уровень их политического участия. Интернет, действительно, во многом упрощает проявление политической вовлеченности, но отнюдь не формирует ее, не придает пассивным людям импульсы для долговременного участия в политике. Он может лишь способствовать временному оживлению обычно пассивной части общества в связи с ее озабоченностью по поводу какой-то конкретной социально-политической проблемы.

Справедлива констатация отечественных ученых: на фоне эмпирических данных о посещении гражданами развитых стран сайтов политических институтов оптимистические суждения сторонников технологического детерминизма о «революции политического участия», «радикальном обновлении демократии», благодаря Интернету, пока далеки от реальности².

За недолгое время существования киберпространства отчетливо выявилась следующая тенденция: участники интерактивного голосования «группируются» по профессиональным, возрастным, досуговым интересам, как правило, игнорируя все, что выходит за их рамки. Нет оснований полагать, что киберпространство станет форумом для граждан, озабоченных общественно-значимыми проблемами³.

¹ Цит. по: Глобализация и Россия: Проблемы демократического развития. 2-е изд. М., 2005. С. 47.

² Там же. С. 50.

³ Руденко В. Н. Новые Афины, или Электронная республика (О перспективах развития прямой демократии в современном обществе) // Полис. 2006. № 4.

Действительная проблема демократии заключается не в отсутствии механизмов взаимодействия власти и граждан, а в отчуждении общества от политики, неудовлетворенности деятельностью политических институтов из-за их неспособности адекватно реагировать на общественные запросы. Уровень политического участия может быть повышен прежде всего изменением содержания самой политики, а не переменами в сфере коммуникаций.

Все изложенное не подтверждает тезис сторонников электронной демократии о предстоящем наступлении эры прямого правления в результате развития информационных и коммуникативных технологий.

В условиях вызываемого глобализацией обострения соперничества государств за достойное место в мировом сообществе будущее России во многом зависит от модернизации всех сфер – технико-экономической, политической, военной и др. Для прорыва в постиндустриализм России необходимо оптимизировать не только экономический механизм, но и политический процесс, расширив ареал демократических институтов.

Перспективы российской демократии зависят от сроков и темпов формирования таких ее атрибутов, как законопослушность населения, обеспеченность гражданских прав и свобод, полноценное разделение властей, эффективная многопартийность, независимый и компетентный суд. В современной России эти атрибуты демократического строя либо отсутствуют, либо декоративны и отвечают лишь прагматическим интересам элиты. Они смогут стать реальностью в будущем только при условии социального структурирования общества и прежде всего консолидации среднего класса, по мере приобщения большинства граждан к ценностям демократии как наиболее совершенной формы политического устройства.

Препятствием для становления демократии в России является разрастание корпоративистских тенденций, проявляющихся в прямом или опосредованном навязывании обществу интересов кланов и мафиозных групп. Рост влияния корпоративных интересов и организаций характерен для современного мирового развития и представляет собой серьезную угрозу перспективам демократии. В демократических странах крайние проявления корпоративизма нейтрализуются системой противовесов, создаваемых развитым гражданским обществом и правовым государством. В России же еще не сложилась социально-политическая среда, которая могла бы эффективно ограничить корпоративистские тенденции рамками демократического плюрализма.

Российскому обществу еще нужно «повзрослеть» до осознания того, что демократия – это организованная свобода, т. е. обеспеченная индивидуальной и коллективной ответственностью. Свобода же, лишенная моральных ограничителей, – бóльший враг демократии, чем любой государственный контроль. Она, как показывает новейший отечественный опыт, создает почву для проявления самых диких и низменных инстинктов, которые не подавляются ни человеком, ни обществом, ни государством.

Интеграция России в сообщество цивилизованных государств расширяет возможности адаптации к российским условиям опыта функционирования гражданского общества в странах Запада. Это и сфера коллективной, групповой собственности, и производственная кооперация, и деятельность органов местного самоуправления, политических партий, религиозных организаций, многочисленных новых социальных движений.

Модель демократии должна не навязываться сверху, а «прорастать» снизу, оформляя процессы повседневности, развивая те ценности и нормы, которые несут в себе потенциал взаимного доверия и социальной интеграции.

Для политического самоопределения России актуален вопрос: отвечает ли ее интересам создание модели представительной демократии и соответствующей ей партийной системы? Эта модель постепенно исчерпывает себя на Западе и превращается в декоративный фасад, который скрывает рафинированные формы авторитарного правления, осуществляемого из анонимных центров власти, часто глобальных по своей природе. Кризис представительной модели стимулирует дебаты о «делиберативной» (размышляющей, рефлексивной) демократии, предполагающей включение всех активных граждан в политический процесс. Основой демократии должно стать не представительство групповых интересов, а общественная рефлексия по ключевым проблемам жизнедеятельности социума. Это потребует укрепления институтов публичной сферы общественной жизни (СМИ, социальных движений, переговорных процессов и процедур) – арены обсуждения и реализации общих интересов граждан¹.

Наиболее вероятный сценарий политического развития России на ближайший период – функционирование умеренно авторитарной власти. Ей предстоит обеспечить переход страны к инновационному типу развития, проводя энергичную и твердую политику, но в конституционных рамках.

¹ Горбачев М. С. и др. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 507.

К этому готовы и общество, и элиты, заинтересованные в преодолении системного кризиса. К нему побуждают и потребности геополитического самоопределения России в глобализирующемся мире.

Утверждение эффективной демократии как альтернативы авторитаризму представляется возможным лишь в перспективе – по мере модернизации страны, становления институтов гражданского общества и правового государства, интеграции России в сообщество цивилизованных государств. Политика власти должна способствовать вызреванию демократии и ее адаптации к изменяющимся условиям, не допускать ни сползания в хаос, ни закостенения и омертвления институтов.

В общемировом масштабе воздействие глобализационных процессов на демократию противоречиво и проявляется прежде всего в следующем:

1) формирование единых пространств – экономических, правовых, информационных, в которых доминируют высокоразвитые демократические страны, – благоприятствует распространению и утверждению демократических принципов и идеалов;

2) действие связанных с глобализацией факторов (обострение противоречий между Севером и Югом, миграционное давление, превращение терроризма в транснациональное явление и т. д.) преимущественно негативно влияет на процессы демократизации. Меры, призванные обеспечить стабильность и управляемость мирового сообщества, безопасность ведущих стран мира, могут существенно ограничить демократию даже там, где ее институты наиболее эффективны.

Продвижение к демократии в условиях глобализации будет продолжительным и чревато неизбежными коллизиями. Культурная самобытность государств «третьего мира» отторгает западную модель демократии, пока не имеющую альтернатив. Никакая вестернизация не в состоянии уничтожить эту самобытность. Сложившаяся однополюсная система международных отношений, генерирующая проявления «силового глобализма» с целью «распространения свободы», дискредитирует ценности демократии и способна вызывать усиление национализма, подпитывающего авторитарные тенденции.

Контрольные вопросы

1. В чем проявляется влияние глобализации на политические процессы?

2. Какие реалии современного этапа демократизации нашли отражение в концепциях Ф. Фукуямы и С. Хантингтона?

3. Раскройте содержание новых трактовок народовластия в концепциях теле- и кибердемократии.
4. Какова реальная роль коммуникативных и информационных технологий в современном обществе?
5. От каких факторов зависят перспективы становления демократии в России?
6. Каков наиболее вероятный сценарий политического развития России на ближайший период? Выскажите свое мнение по этому вопросу.
7. Назовите основные аспекты воздействия глобализации на демократические процессы.

Рекомендуемая литература

- Баранов Н. А.* Трансформации современной демократии: учеб. пособие. СПб., 2006.
- Глобализация и Россия: Проблемы демократического развития. 2-е изд. М., 2005.
- Грачев М. Н., Мадатов А. С.* Демократия: методология исследования, анализ перспектив. М., 2004.
- Даль Р.* Демократия и ее критики. М., 2003.
- Джанда К. и др.* Трудным путем демократии: Процесс государственного управления в США / пер. с англ. М., 2006.
- Красин Ю. А.* Российская демократия: коридор возможностей // Полис. 2004. № 6.
- Теория и практика демократии. Избранные тексты / под ред. В. П. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М., 2006.
- Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
- Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX в. М., 2003.

4. СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Глобализация оказывает многоплановое воздействие на международные отношения. Один из его важнейших аспектов – трансформация современного моноцентричного мира в многополярный. Концепция многополярного мира является стратегической доктриной России, Китая и ряда европейских государств.

Большинством аналитиков в качестве «полюсов» мировой политики рассматриваются ведущие государства или группы государств («блоки»), определяющие структуру миросистемных связей. Различаются полюса глобальные и региональные, а также сочетающие оба вида «полюсности», как это было в недавнем прошлом с двумя сверхдержавами – США и СССР. «Полюсность» выступает в качестве основного критерия классификации мировых порядков.

Представляется, что верхний уровень формирующейся многополярности будет представлен Соединенными Штатами, Европой и Китаем. Полюсами регионального и субрегионального уровня могут стать прежде всего Япония, Россия, Индия, Бразилия. Существует вероятность и того, что Япония и Индия станут глобальными державами.

Возможно возникновение многополярности в масштабах Европы, где Германия, Франция, Великобритания, Италия и Россия являются крупными державами, способными стать центрами притяжения небольших государств. Конкуренция между ними чревата нестабильностью на региональном уровне.

По совокупности слагаемых национальной мощи (экономических, научно-технических, военных, природно-географических и пр.) США являются ведущим центром силы современного мира, доминирующим в международных отношениях и, как следствие, располагающим огромными возможностями влияния на развитие человечества.

Экономический потенциал Соединенных Штатов не имеет себе равных. США еще в начале XX в. обогнали развитые страны Европы по объему производства и с тех пор прочно удерживают лидирующие позиции. Им принадлежит крупнейшая доля в мировом ВВП, которая превышает 21,3 %. По этому показателю к Соединенным Штатам приближается только Европейский Союз¹.

Динамизм американской экономики обеспечивается мощным научно-техническим потенциалом страны, развитыми рыночными институтами и механизмами, эффективным государственным регулированием. В США базируются многие ТНК и банки, оказывающие

¹ См.: США – Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 8. С. 7.

значительное влияние на мировую экономику, – такие как Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР).

Американский доллар является основной валютой, используемой при международных расчетах; в долларах содержится значительная часть валютных резервов многих государств. По этой причине большинство стран не заинтересовано в обесценении доллара и стремится поддерживать стабильность его курса, тем самым фактически субсидируя экономику США.

Экономика Соединенных Штатов демонстрирует способность решать серьезные социально-экономические проблемы, преодолевать кризисы различной природы, что свидетельствует о ее гибкости и высокой адаптивности к изменяющимся условиям.

Экономическая мощь позволяет Соединенным Штатам не только поддерживать на необходимом уровне военные расходы, но и значительно повышать их, как это произошло после террористических актов 11 сентября 2001 г. В отличие от военной мощи других стран, в США она сбалансирована по видам вооруженных сил, что позволяет ей действовать одинаково успешно во всех средах – космосе, воздухе, на суше и на море. США обладают самыми современными мобильными вооруженными силами и уникальным военно-техническим потенциалом (высокоточное оружие, средства радиоэлектронной борьбы и информационной войны).

Важное геополитическое преимущество Соединенных Штатов – их географическое положение: обширная континентальная территория, уступающая по размерам лишь России и Китаю; значительные природные ресурсы и благоприятный климат; удаленность от основных зон территориальных конфликтов; непосредственный выход в Атлантический и Тихий океаны. Действие этих факторов не только укрепляет безопасность страны, но и дает ей возможность играть роль балансира в отношении существующих и потенциальных центров силы.

Единственная сверхдержава сочетает глубокую вовлеченность в мировые процессы с высокой степенью самодостаточности, опоры на собственные ресурсы. Процессы глобализации в значительной степени носят американоцентричный характер. В ближайшем будущем маловероятно появление у Соединенных Штатов соперника, способного претендовать на мировое лидерство.

Можно согласиться с оценкой места и роли Соединенных Штатов в современном мире одного из ведущих американских политологов Зб. Бжезинским: «На заре XXI в. американская мощь достигла беспрецедентного уровня, о чем свидетельствует глобальный охват во-

енных возможностей Америки и ключевое значение ее экономической жизнеспособности для благополучия мирового хозяйства, инновационный эффект технологического динамизма США и ощущаемая во всем мире притягательность многоликой и часто незатейливой американской массовой культуры. Все это придает Америке не имеющий аналогов политический вес глобального масштаба. Плохо это или хорошо, но именно Америка определяет сейчас направление движения человечества, и соперника ей не предвидится»¹.

При относительном сокращении доли Соединенных Штатов в мировом ВВП (возрастающей в абсолютном значении) этот процесс может растянуться на десятилетия в связи с концентрацией на американском полюсе гигантского потенциала влияния на нынешние и будущие международные отношения. Согласно существующим прогнозам, американский полюс окажется первым и сильнейшим в структуре многополюсности, по меньшей мере, до середины XXI в., но и в более отдаленной перспективе не произойдет ускоренного свертывания американского лидерства².

Тем не менее уже сейчас Соединенные Штаты при всем своем могуществе не могут диктовать свою волю мировому сообществу, добиваться принятия другими государствами наиболее выгодных для себя решений. Это со всей очевидностью продемонстрировано отказом государств различной внешнеполитической ориентации поддержать военные акции США в Ираке. Выявившиеся в мировом сообществе разногласия по вопросу о путях преодоления иракского кризиса могут явиться прообразом тех препятствий, с которыми Соединенные Штаты могут столкнуться в многополярном мире.

Наиболее серьезную проблему для Соединенных Штатов будут представлять взаимоотношения с Азией вследствие вероятного превращения Китая и Индии во влиятельных политических акторов на мировой арене, обладающих мощными экономическими рычагами воздействия на страны региона.

В перспективе неизбежна постепенная, но необратимая эрозия исключительности американского положения в будущем миропорядке и убывание их глобального влияния. Глобализация ведет к постепенной нивелировке уровней развития государств, усреднению статуса субъектов международных отношений. Такое развитие мировых процессов прогнозируется и известным приверженцем американского лидерства Зб. Бжезинским: «В конечном счете, пусть даже

¹ Бжезинский Зб. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 7.

² Быков О. Н. Международные отношения: трансформация глобальной структуры. М., 2003. С. 418.

не очень скоро, американское доминирование пойдет на убыль. Поэтому для американцев было бы своевременным попытаться предоставить, какое наследие оставит эта гегемония»¹.

Возможности для безраздельного господства Соединенных Штатов начали сокращаться еще до распада двухполюсности. Руководителям этой страны уже с начала 70-х годов приходилось заботиться не столько об обеспечении американского доминирования с помощью силы, сколько об использовании более гибкой формы влияния на мировую ситуацию – лидерства путем достижения определенного консенсуса тогдашних «центров силы».

В обозримой перспективе глобальные позиции США могут быть существенно ослаблены курсом на принудительную демократизацию региона Большого Ближнего Востока в контексте антитеррористической борьбы. Обоснованные опасения по поводу последствий для Соединенных Штатов «демократического миссионерства» и «имперского сверхрасширения жизненного пространства» высказываются влиятельными представителями американского политико-академического сообщества нередко со ссылкой на обстоятельства распада СССР².

Все большее количество государств, уступая Соединенным Штатам в сфере военной мощи, смогут отстаивать свои интересы на региональном уровне. Возможное появление у многих из них химического, биологического и/или ядерного оружия повысит цену военных операций со стороны США и их партнеров. Противники Соединенных Штатов, будь то государства или негосударственные акторы, будут стремиться минимизировать военное превосходство сверхдержавы, прибегая к асимметричным стратегиям, включающим партизанские и террористические методы ведения войны.

При всех впечатляющих экономических, научно-технических и социальных достижениях американской нации нельзя недооценивать остроту и масштабность ее внутренних противоречий. Наиболее серьезное из них, способное создать угрозу для государства, – это углубляющийся кризис в междисциплинарных, межрелигиозных и межкультурных отношениях. В этой связи не лишено оснований предупреждение автора теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона о том, что рост численности в стране расово-культурных групп, не относящихся к западноевропейской цивилизации, способен поста-

¹ Бжезинский Зб. Указ. соч. С. 262.

² Johnson Ch. The Sorrows of Empire. Militarism Secrecy and the End of the Republic. N. Y., 2004. P. 13.

вить под вопрос дальнейшее существование США как государства «либеральной демократии».

В современных условиях американское лидерство, отнюдь не бескорыстное и сопряженное с немалыми издержками для других государств, видимо, предпочтительнее отсутствия всякого лидерства. В той мере, в какой это лидерство будет содействовать выработке согласованных решений, оно будет полезным для формирования многополюсности.

На ближайшие десятилетия прогнозируемы два сценария американской политики на международной арене: дальнейшее усиление гегемонистских тенденций во внешней и оборонной политике Соединенных Штатов, вызванных стремлением сохранить доминирующее положение в мире; выбор в пользу более кооперативного поведения с опорой на многосторонние институты (ООН, ОБСЕ и др.). Переход к большей кооперативности, видимо, займет продолжительный период, будет носить противоречивый характер и сопровождаться проявлениями гегемонизма.

Доминированию единственной сверхдержавы противостоят сильные тенденции к полицентризму. Они проявляются в формировании «центров силы» глобального и регионального уровней, противодействующих гегемонистскому курсу Соединенных Штатов.

Второе после США место в структурной иерархии многополюсности может занять объединяющаяся Европа. Евросоюз рассматривается аналитиками как одна из наиболее перспективных структур, способных в обозримом будущем сбалансировать наиболее одиозные проявления американского гегемонизма.

К началу XXI в. совокупный экономический потенциал Европейского Союза по объему сопоставим с американским и достиг высокого уровня самодостаточности. Согласно прогнозу ИМЭМО РАН, на долю объединенной Европы к 2015 г. придется 17 % мирового ВВП, что близко к американской доле¹.

Претендуя на роль второго полюса мира, Европа ввела единую валюту, конкурирующую с долларом, стремится создать собственную военную промышленность, независимую от американской, и собственные вооруженные силы (Европейский корпус).

Накопленный полюсный потенциал дает Европе немалую свободу политического маневра в отношениях с Соединенными Штатами, что наглядно проявилось в связи с иракским кризисом 2003 г. Зависимость Европы от США все более трансформируется во взаимозависи-

¹ Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 г.) / под ред. В. А. Мартынова и др. М., 2001. С. 22.

мость двух сопоставимых по своему потенциалу партнеров, объединяемых общими интересами и ценностями. При всех разногласиях евроатлантическое сообщество остается единым.

Становление Европы как полюса будет сопряжено с преодолением многообразных противоречий во взаимоотношениях государств этого континента. Хотя Европейский Союз далеко продвинулся по пути экономической и социальной интеграции, не ясно, насколько европейские государства будут готовы согласиться с такой степенью политической и военной интеграции, которая позволит им выступать единым блоком. Источником противоречий является стремление крупных европейских государств занять господствующие позиции в руководстве Евросоюза. Положение может осложниться в связи с расширением Евросоюза за счет приема новых членов, ориентированных преимущественно проамерикански. Расхождения между «старой» и «новой» Европой в области внешней политики дают Соединенным Штатам значительные преимущества в соперничестве с Евросоюзом.

В будущем европейскому полюсу, видимо, не потребуются такая структурная жесткость, которая была присуща Западу в период глобальной конфронтации с СССР. Координация внешней политики по наиболее значимым проблемам международных отношений в Европейском Союзе будет сочетаться с определенной свободой действий входящих в него государств.

В мощный центр мирового влияния превращается Китай с его гигантским демографическим, растущим экономическим и военным потенциалом. Он является основным (хотя и гипотетическим) кандидатом на статус второй сверхдержавы.

Доля Китая в мировом производстве промышленных товаров за последнее десятилетие возросла с 4 до 12 %¹. Кроме того, Китай будет наращивать военную мощь, производя и покупая современные системы вооружений. Уникальным резервом внутреннего развития и международной деятельности КНР является интенсивное взаимодействие с обширной диаспорой, располагающей значительными финансовыми возможностями.

Китай имеет реальные шансы занять ведущие позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе с перспективой дальнейшего возвышения в глобальной структуре многополюсности. Вместе с тем и в XXI в. он длительное время будет бедным развивающимся государством, нуждаться в дальнейшем реформировании и интеграции в мировую экономику.

¹ США – Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 7. С. 99.

Согласно прогнозу Национального разведывательного совета (НРС) США, Китаю понадобится еще около 30 лет, чтобы достичь нижней планки уровня доходов на душу населения развитых стран. Даже в том случае, если к 2020 г. средний класс в Китае увеличится вдвое и достигнет 40 % населения, это будет ниже показателя в 60 %, характерного для США. К тому же китайский средний класс будет значительно уступать западному по абсолютному размеру доходов¹.

Нельзя исключить и того, что действие таких факторов, как хрупкость финансовой системы и государственного сектора экономики, возможное сокращение притока иностранных инвестиций, бедность широких слоев населения и вызываемое им социальное недовольство, коррупция, а также усиление недоверия со стороны других азиатских государств, могут замедлить превращение Китая в великую державу. Существует вероятность внутренней дестабилизации страны, которая будет иметь глобальные последствия.

В формирующейся структуре международных отношений, наряду с претендентами на полюсность верхнего, глобального уровня, обозначается ряд центров менее высокого ранга – региональных и субрегиональных.

Полюсом регионального, а возможно, и глобального значения в складывающемся миропорядке будет Япония. Занимая прочные позиции в мировой экономике и располагая колоссальными капиталами для инвестирования в экономику соседей, она способна вовлечь в орбиту своего влияния многие страны региона. Это может позволить Японии претендовать на лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе, соперничая с Китаем и Соединенными Штатами. Оптимальный для Японии способ обеспечения статуса крупного центра силы – умеренный внешнеполитический курс, ориентированный на использование инновационных, экономических, а не военно-политических возможностей.

Россия, в отличие от СССР, не может быть сверхдержавой с глобальным присутствием. Но в то же время имеет необходимые геостратегические позиции, экономический, ресурсный и интеллектуальный потенциал для успешной модернизации и обретения себя в качестве трансрегиональной великой державы Европы и Азии.

Любые попытки достичь статуса сверхдержавы, всеми доступными средствами воздействуя на решение мировых проблем и не останавливаясь перед необходимыми для этого затратами ресурсов, на-

¹ Россия и мир в 2020 г.: доклад Национального разведывательного Совета США «Контурсы мирового будущего». М., 2005. С. 50.

несли бы непоправимый урон долговременному экономическому развитию страны, поставили бы под вопрос ее будущее. Мощь и, соответственно, влияние обеспечиваются прежде всего экономическими и научно-техническими параметрами, жизненным стандартом населения и его культурным уровнем. Наиболее развитые страны стремятся к укреплению своих позиций, в первую очередь, путем наращивания экономического потенциала, благодаря улучшению качества жизни граждан.

Выгодное евразийское геополитическое положение должно быть использовано Россией для вхождения в мировое сообщество в качестве самостоятельного полюса, стремящегося к установлению взаимовыгодного партнерства с широким кругом стран Запада и Востока. Ускоренное освоение Сибири и Дальнего Востока является не только фактором социально-экономического обустройства страны, но и важнейшей предпосылкой укрепления крайне уязвимого восточного фланга российского полюса.

Реализация Россией потенциала полюсности будет зависеть, прежде всего, от решения внутренних проблем – осуществления необходимых рыночных и социальных реформ, создания демократической государственности и формирования гражданского общества, обеспечения прав и свобод личности, улучшения условий жизни народа. В международной сфере превращение России в один из центров многополюсности может определяться действием таких факторов, как активизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве, оптимальный выбор партнеров в дальнем зарубежье, поиск сфер согласия и совпадающих интересов в отношениях со всеми субъектами мировой политики. Последовательная и всесторонняя модернизация страны способна создать предпосылки для национальной консолидации как необходимого условия перехода в постиндустриальную, информационную эру.

Таким образом, уникальность статуса российского полюса состоит в том, что его перспективы в решающей степени зависят от успеха системных преобразований внутри страны и эффективности взаимодействия с внешним миром.

По оценке экспертов Национального разведывательного совета США, перспективы России к 2020 г. таковы.

Энергетические ресурсы поддержат ее экономический рост, однако, вследствие переживаемого страной тяжелого демографического кризиса, численность работоспособного населения может катастрофически снизиться.

Скорее всего, глубже и острее станут проблемы вдоль южных границ, вызываемые исламским экстремизмом и терроризмом, слабыми государствами, раздираемыми внутренними конфликтами.

Эти социальные и политические факторы, возможно, не позволят России добиться статуса крупного игрока на международной арене. Однако она останется достаточно важным партнером наиболее влиятельных государств. У России есть потенциальная возможность укрепить свои позиции благодаря статусу одного из главных экспортеров нефти и газа¹.

К числу полюсов регионального, а возможно, и глобального уровня может быть отнесена Индия, входящая в первую пятерку стран мира по ВВП и в «ядерный клуб». Она расширяет свое влияние за пределы Южной Азии и в перспективе имеет реальные шансы стать одним из лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона, естественным соперником Китая в борьбе за геополитическое доминирование.

Существует вероятность того, что Индия опередит Китай по темпам экономического роста. Этому могут способствовать следующие факторы:

- увеличение численности трудоспособного населения, тогда как в Китае проведение политики «одна семья – один ребенок» приведет к снижению такового;

- наличие в Индии демократических институтов, структур гражданского общества и многочисленного среднего класса делает эту страну менее уязвимой для дестабилизации, чем Китай, перед которым со всей остротой встанет проблема совместимости тоталитарной по своей сущности политической системы с интересами формирующегося среднего класса и городского населения;

- обладание Индией кампаниями мирового уровня в некоторых важных высокотехнологичных областях, тогда как Китаю еще предстоит их создать.

Несмотря на быстрый экономический рост Индии, существуют факторы, способные воспрепятствовать ее возвышению в рамках складывающегося миропорядка. Бедность значительной части населения, религиозная, этническая и лингвистическая мозаичность индийского общества способны послужить источником нестабильности в стране и создать угрозу национальной безопасности.

И Китай, и Индия могут столкнуться с трудностями из-за нехватки различных ресурсов (земли, воды, запасов энергии), которые будут возрастать по мере модернизации обоих государств и способны

¹ См.: Россия и мир в 2020 г. С. 81–82.

потенциально стать причиной политической и экономической нестабильности.

Региональными полюсами Латинской Америки могут стать такие крупные государства с быстрорастущим населением, как Бразилия и Мексика. Согласно прогнозам экспертов, экономика Бразилии в 2020 г. сможет составить конкуренцию или даже превзойти экономику многих европейских государств, но не самых крупных из них¹.

Поскольку в сферу международных отношений все более активно вовлекаются негосударственные акторы (неправительственные организации, транснациональные корпорации и т. д.), в будущем возможно образование на их основе своеобразных «центров силы».

Сейчас можно выделить следующие характеристики формирующихся «полюсов силы».

1. Увеличение их числа за счет государств, ранее принадлежавших к так называемому «третьему» миру, прежде всего Китай, Индия, Бразилия. Столь фундаментальных изменений в составе международных акторов не происходило со времени формирования всемирной системы международных отношений (конец XIX в.).

2. Несовпадение экономической и военной полюсности в мире. Прежде в системе международных отношений показатели экономической мощи коррелировали с показателями военной мощи. В ближайшие десятилетия, по крайней мере, для новых центров экономической силы такое переплетение может быть нехарактерным.

3. Возрастающее значение эффективного использования структур взаимозависимости государств в наращивании национальной мощи. От участия государства в экономической интеграции зависит его способность максимизировать национальную мощь и направить развитие национальной мощи других государств в безопасное для себя русло.

4. Демократизация практически всех полюсов, ведущая к серьезным изменениям в их поведенческих характеристиках на международной арене. Это выразится в тенденции к большей «прозрачности» и предсказуемости их действий.

Указанные характеристики формирующихся новых полюсов серьезно повлияют как на их природу, так и на тенденции взаимодействия.

Процесс становления многополярного мира будет, естественно, продолжительным и богатым коллизиями. Долговременным станет конфликт двух тенденций – формирования многополярности и стремления Соединенных Штатов сохранить однополюсную структуру международных отношений. В результате взаимодействие «центров

¹ Там же. С. 12.

силы» будет характеризоваться сочетанием партнерства и соперничества. При этом переход к многополярному миру ограничит возможности проведения гегемонистской политики какой-либо державой.

Серьезной структурной проблемой формирования нового мирового порядка явится распад государств – «state failing». Распадающиеся государства не выполняют свои базовые функции, дестабилизируя международные отношения.

В целом существующая конфигурация общемировой структуры является переходной «плюралистического типа», в рамках которой сильнейшая держава пользуется преобладающим влиянием в мире, но не располагает возможностями жесткого контроля над происходящими событиями. Эта конфигурация может быть названа «плюралистической» однополярностью¹.

Анализ перемен в структуре современного мира позволяет сделать следующие выводы. Окончательные контуры новой структуры еще не сложились. Набирает силу тенденция перехода от однополярности США как единственной сверхдержавы к многополярности, в рамках которой «центры силы» будут связаны отношениями партнерства и соперничества. По мере движения к многополюсности зависимость мирового сообщества от Соединенных Штатов будет сокращаться.

Контрольные вопросы

1. Какие факторы детерминируют трансформацию однополюсного мира в многополюсный?
2. Какие государства могут составить верхний уровень многополюсности? Аргументируйте ответ.
3. Назовите «центры силы» регионального и субрегионального уровня.
4. От каких факторов зависит раскрытие Россией потенциала полюсности?
5. Изложите основные характеристики формирующихся «центров силы».
6. В чем сущность проблемы «падающих государств» как дестабилизирующего фактора мировой политики?

Рекомендуемая литература

Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005.

Бжезинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

¹ *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 291.

Горбачев М. С. и др. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003.

Лебедева М. М. Мировая политика: учеб. для вузов. М., 2003.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М., 2003.

Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.

Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие. М., 2006.

5. ГЛОБАЛЬНЫЙ МИРОПОРЯДОК

В условиях глобализации возрастает потребность в новом политическом устройстве мира, удовлетворяющем характеру и масштабу проблем, встающих перед человечеством. Поэтому принципиальное значение приобретает уяснение параметров складывающегося миропорядка, состава и функций главных акторов мировой политики, характера взаимодействия между ними.

Под *мировым порядком* понимается совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение субъектов мировой политики (прежде всего государств) и обеспечивающих международную стабильность. Устройство международных отношений определяет форму организации, протекания и воспроизводства политического процесса.

В связи с расширением круга участников международных отношений, усилением взаимозависимости мира, стимулируемым научно-техническим прогрессом и обострением глобальных проблем, все более широкое распространение получает термин «глобальный мировой порядок».

Мировой порядок сочетает в себе элементы устойчивости, стабильности, т. е. собственно порядка и переходности как накопления предпосылок для продвижения к более высоким формам организации международных отношений, соответствующих усложняющейся общественной жизни. Исторически начало очередного мирового порядка было связано либо с итогами войн и следовавшими за ними внутренними переменами в ведущих странах, либо с распадом некоторых крупных государств. Как следствие, в сравнении с предшествующим миропорядком, менялись состав наиболее влиятельных субъектов международных отношений и конфигурация связей между ними.

В XIX–XX вв. организация международных отношений осуществлялась в рамках последовательно сменявших друг друга мировых порядков:

- Венского (в чистом виде в 1815–1825 гг., а с учетом попыток его восстановить – до создания Германской империи в 1871 г.);
- Версальского (1918–1938);
- Ялтинско-Потсдамского (1945–1991).

Распад Ялтинско-Потсдамского миропорядка не привел к хаосу в международных отношениях, что связано с их структурированием в течение второй половины XX в. Окрепили позиции наиболее крупной универсальной организации – ООН – и действующих в ее рамках организаций – МВФ, МАГАТЭ, ЮНЕСКО и др.; возникло множество

специализированных межправительственных организаций; на всех континентах успешно функционируют региональные интеграционные объединения. Существенно увеличились объемы международного права, масштабы его приложения и реальная роль в мировой политике и экономике. Подписан целый комплекс договоров и соглашений, регулирующих процессы в международных масштабах (например, договоры о запрещении испытаний ядерного оружия и его нераспространении, Конвенция ООН по морскому праву, Конвенция ООН по устойчивому развитию). Действует ряд неформальных, но влиятельных и авторитетных институций, среди которых особое место занимает «большая восьмерка».

Важнейшим последствием завершения холодной войны стало расширение демократического пространства в международных отношениях. Это позволяет придать позитивное содержание процессу их дальнейшей трансформации, ограничить возможности применения фактора силы, особенно военной.

Вместе с тем с начала 90-х годов мир живет в условиях отсутствия системообразующего объединяющего начала, каким была, например, конфронтация СССР и США в 60–80-х годах. Для современных международных отношений характерна невысокая степень их упорядоченности и управляемости. В настоящее время трудно предвидеть, будут ли события развиваться в сторону становления и укрепления нового мирового порядка или в направлении неупорядоченности и хаотизации международных отношений.

Будущий миропорядок по критерию легитимности может быть формальным, т. е. закрепленным в международных актах, или неформальным, держащимся лишь на согласии его основных участников. По критерию организации (структуры) он может быть авторитарным, олигархическим или демократическим. В любом случае, сложившийся глобальный миропорядок означал бы появление политической мироцелостности.

Для формирующейся многополярности оптимален мировой порядок, регулируемый принципами приоритета общечеловеческих ценностей, равной безопасности для всех народов и государств, мирного разрешения спорных вопросов и конфликтов, уважения целостности и суверенитета государств, их невмешательства во внутренние дела друг друга. В таком миропорядке заинтересовано подавляющее большинство членов мирового сообщества.

Новый мировой порядок будет утверждаться в процессе конкуренции силовых потенциалов великих держав и региональных центров влияния. Эти потенциалы следует рассматривать как совокупность

компонентов «мягкой» и «жесткой» силы¹. Прочные позиции необходимы не только для соперничества, но и для равноправного сотрудничества.

Наибольшее влияние на глобальные геополитические процессы, очевидно, окажут Соединенные Штаты, Европейский Союз и Китай. Если США и ЕС уже сейчас являются факторами мирового значения, то Китай может стать таковым в ближайшие десятилетия.

Ведущая роль в формировании основ глобального миропорядка будет принадлежать Соединенным Штатам как наиболее могущественному государству, доминирующему в международных отношениях. США «оторвались» от остального мира по всем показателям национальной мощи, за исключением разве что культурного потенциала. Они стали мировым центром инноваций, располагая возможностями развивать новые технологии практически на всех направлениях научно-технического прогресса. Запас прочности в нынешнем положении глобального доминирования США настолько велик, что в обозримом будущем не просматривается возможность быстрой эрозии этой ситуации или угрозы со стороны конкурентов.

Соединенные Штаты будут стремиться закрепить свои позиции единственной сверхдержавы, прибегая и к силовым методам. Победоносная война в Ираке должна была продемонстрировать способность США применять подавляющую военную мощь в любой части мира.

В долгосрочной перспективе авторитарная моноцентрическая модель мироустройства не имеет будущего². Ни одно государство, какой бы мощью оно ни обладало, не в состоянии справиться со всей совокупностью глобальных проблем.

Парадокс сложившейся ситуации в том, что в противостоянии анархическим тенденциям в международных отношениях американскому лидерству объективно нет альтернативы. Поэтому в ближайшие десятилетия продвижение к демократическому миропорядку представляется маловероятным.

¹ В международно-политической науке под «мягкой» силой понимается привлекательность ценностей и идеалов, политического курса страны, под «жесткой» – принуждение с использованием военных и экономических ресурсов.

² Неизбежность трансформации однополюсного мира в многополюсный прогнозируется ведущими западными аналитиками различных направлений. По мнению «реалиста» Ч. Капчана, «полагать, что международный порядок может бесконечно покоиться на американской гегемонии бесосновательно и опасно» (цит. по: *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 161). Эту же мысль он развивает в связи с американским вторжением в Ирак: «Вашингтон вступил на путь, который может привести к закату американского величия, к закату Америки» (*Капхен Ч.* Закат Америки: уже скоро. М., 2004. С. 13).

Усиливающееся воздействие на процесс становления нового мирового порядка окажут и другие реальные или потенциальные «центры силы», особенно объединяющаяся Европа. К началу XXI в. совокупный экономический потенциал Европейского Союза вплотную приблизился к американскому и достиг высокой степени самостоятельности. Он дает Европейскому Союзу немалую свободу маневра в отношениях с Соединенными Штатами, что наглядно проявилось в связи с иракским кризисом.

Соединенные Штаты, очевидно, и впредь будут играть существенную роль в формировании баланса сил внутри Евросоюза. Многие его члены заинтересованы в сохранении американского присутствия в Европе. Великобритания видит в отношениях с Соединенными Штатами свой основной внешнеполитический ресурс, а малые страны Европы заинтересованы в них как в противовесе доминированию крупных европейских держав.

Объединенная Европа уступает Соединенным Штатам по параметрам «жесткой силы» (прежде всего военной), но она формирует новый тип влияния на внешний мир – более глубокого и всеобъемлющего, чем американское. Это влияние проявится в масштабе длительного времени и будет носить трансформирующий характер, меняя само общество присоединившихся к ЕС государств, внедряя в практику межгосударственного общения апробированные ценности и стандарты поведения. Средствами реализации такого влияния будут не высокотехнологичные виды оружия, а договоры, соглашения и законы, обеспечивающие интеграцию пространства Евросоюза.

Выработанные европейцами демократические ценности, с одной стороны, цементируют европейское единство, а с другой – притягивают к интегрирующейся Европе многие государства. Укрепляются связи стран Средиземноморья и Северной Африки с европейским полюсом. Усиливается притягательность Европы для государств постсоветского пространства. Встраивание в Европу является одним из важнейших геополитических приоритетов России и условий ее модернизации.

США и Европа придерживаются диаметрально противоположных взглядов на будущее мироустройство. Американская элита представляет себе будущий мир как однополярный, в котором Европа (как, впрочем, и другие партнеры США) выполняла бы функцию обслуживания интересов единственной сверхдержавы. ЕС выступает за плюралистический миропорядок, в котором влияние США было бы уравновешено региональными великими державами. Характер отношений между США и Европой во многом определит архитектуру нового миропорядка.

Одним из лидеров формирующегося миропорядка потенциально является Китай с его растущим экономическим и военным потенциалом, гигантским ресурсом населения. Последнее обстоятельство в перспективе способно обеспечить Китаю решающее воздействие на глобальные демографические и миграционные процессы.

Стране, занимающей ведущие позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, предстоит пройти долгий путь для достижения статуса мировой державы. Ее промышленная инфраструктура во многом устарела, не ясно, сможет ли существующая политическая система адаптироваться к росту социального плюрализма и появлению многочисленного среднего класса.

Главная тенденция военно-политической стратегии США в АТР – возрастающее внимание к «китайскому фактору». Несмотря на возражения части экспертного сообщества против излишней демонизации Китая, американское военное строительство ориентировано на его сдерживание, в котором ключевая роль отводится контролю за энергоресурсами и путями их транспортировки.

С учетом имеющихся прецедентов, можно прогнозировать попытки Запада внедрить в качестве норм международного права три новых регулирующих принципа – «гуманитарные интервенции», «интервенции возмездия» или «пенитенциарные интервенции», «превентивное вмешательство». Гуманитарные интервенции обычно аргументируются необходимостью реакции мирового сообщества на нарушения прав человека и национальных меньшинств, закрепленных в соответствующих международных актах. Мотивом «интервенций возмездия» обычно служит намерение «наказать» и одновременно побудить «исправиться» страну – объект вторжения. «Превентивные интервенции» должны осуществляться в целях «профилактики опасности».

Вмешательство Запада по гуманитарным мотивам имело место в Боснии (1996) и в сербском крае Косово (1999). «Интервенцией возмездия» была война против режима талибов в Афганистане (2001–2002), обвинявшихся в укрывательстве главаря террористов Усамы Бен Ладена. Превентивным вмешательством является война против Ирака, поводом для которой послужили подозрения в производстве и накоплении оружия массового уничтожения. Вышеизложенные принципы не вполне легитимны и вызывают острую дискуссию в мировом сообществе. Объекты полемики – правомерность, содержание и инструментарий гуманитарных акций, статус и полномочия осуществляющих их государств. Предстоит создать механизмы военизированного гуманитарного вмешательства и «принуждения к миру», своего рода силового миротворчества.

Миротворческие операции, предотвращающие и урегулирующие вооруженные конфликты, были элементом международных отношений и в период холодной войны. После ее окончания появилась возможность перейти от обеспечения перемирия к многоплановым операциям по поддержанию мира и миростроительству.

Переход к новому миропорядку будет сопровождаться возрастанием свободы действий большинства политических акторов и неустойчивостью связей между ними, частыми изменениями конфигурации геополитических сил. Деструктивное влияние на мировые процессы окажут обскурантистские и экстремистские силы, государства-«изгой», готовые к применению любых средств, включая террористические, в борьбе за упрочение своих позиций и расширение сферы влияния. Источниками нестабильности в мировой политике могут стать так называемые «несостоявшиеся государства», неспособные контролировать внутривнутриполитическую ситуацию и обеспечить удовлетворение основных потребностей населения страны. Возможности существующих международных структур интегрировать такие государства в мировое сообщество будут весьма ограниченными. Все это затруднит достижение упорядоченности в международных отношениях.

Эффективным способом нейтрализации угрозы безопасности, исходящей от государств-«изгоев» и «несостоявшихся» государств, некоторые ученые считают проведение ведущими державами политики «клиентелизма», не исключая, однако, применение силы.

По мнению Ф. Фукуямы, трудности, которые всегда представляли для системы государств «слабые и несостоявшиеся», в эпоху глобализации превратились в «первостепенную мировую проблему», масштабы которой в полной мере еще не осознаны мировым сообществом. Набирающая темпы глобализация, прогнозирует он, обострит проблему, и ее масштабы будут нарастать. В тех случаях, когда внутренние институты «проблемных» стран окажутся слишком слабыми, единственную альтернативу для них Ф. Фукуяма видит в возвращении к неокOLONIALной или мандатной системе¹.

Для отражения глобальной террористической угрозы потребуются координация действий ведущих держав и всех членов мирового сообщества. Демократизация международных отношений, на которую возлагались большие надежды в конце холодной войны, в немалой степени будет зависеть от обеспечения безопасности. Понадобятся постоянная корректировка содержания, форм и методов внешней

¹ *Fukuyama F. State Building, Governance and World Order in the 21st Century. Ithaca, 2004.*

политики, учет ограничителей в осуществлении внешнеполитических планов.

Опасные тенденции для международной среды порождают демографические процессы в развитой части мира. В частности, массовая миграция в Европу выходцев из регионов Ближнего и Среднего Востока привела к формированию крупных социально-этнических групп, находящихся в самом низу общественной иерархии. Дискриминируемое экономическое положение мигрантов, накладывающееся на этноконфессиональные факторы и противоречия, потенциально способно стать источником мощного очага социально-политической нестабильности регионального и даже глобального масштаба. По мнению такого авторитетного исследователя, как американский ученый С. Хантингтон, в современном мире именно иммиграция представляет собой важнейшую угрозу общественной безопасности¹.

Согласно распространенным представлениям, первые десятилетия XXI в. будут периодом не менее, а может быть, и более опасным для мирового сообщества, чем вторая половина XX в. В этой связи характерны суждения известного американского социолога И. Валлерстайна о вероятности прямых нападений маргинализированного Юга на страны «богатого» Севера, захватнических войн между государствами Юга с применением оружия массового уничтожения, усиления нестабильности в отношениях развитых государств. Главным источником опасности для стран Севера он считает массовые миграции населения Юга, которые могут привести к разнообразным деструктивным последствиям. Алармистское видение будущего резюмируется ученым в прогнозе: «На протяжении следующих пятидесяти лет мир обещает быть намного более жестким, чем во времена холодной войны, из которых мы вышли»².

Главную роль в предотвращении хаотизации международных процессов и обеспечении их управляемости способна сыграть неформальная подсистема развитых государств, ядром которой является «восьмерка» ведущих стран мира. Она объективно превратилась в управляющий центр, регулирующий процесс развития международных отношений. Принципиальное отличие «восьмерки» от Лиги Наций или ООН состоит в том, что она является результатом самоорганизации, а не продуктом «социальной инженерии» с характерными для нее статичной завершенностью и ограниченной адекватностью изменяющейся среде.

¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызов американской идентичности. М., 2004. С. 284.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003. С. 85.

Уже в настоящее время «восьмерка» решает две важные задачи создания единого мирового политического пространства – 1) ликвидации существующих и предотвращения будущих региональных конфликтов; 2) стимулирования демократизации государств с авторитарными режимами.

Перед сообществом цивилизованных государств, определяющих параметры и направленность глобальных процессов, еще острее встанет проблема создания условий для преодоления отсталости беднейших стран. К этому их будут подталкивать не столько гуманитарные соображения, сколько страх перед неконтролируемой миграцией из регионов Юга, исходящая оттуда угроза наркобизнеса и терроризма. Действие этих факторов, по всей вероятности, заставит развитые и богатые страны предпринять экстраординарные меры с целью обеспечить ускоренный экономический рост беднейших регионов Юга и повысить в них среднедушевой доход.

подавляющее большинство государств – членов мирового сообщества ориентировано на демократический миропорядок, базирующийся на взаимоуважении национальных интересов, исключающий гегемонизм и ограничивающий применение силы при решении международных проблем.

В начале XXI в. правомерно констатировать наличие долговременных противоречий: 1) между американоцентричностью мира, стремлением США повсеместно устанавливать приемлемые для себя порядки и пониманием в тех же Соединенных Штатах бесперспективности курса на создание глобальной империи; 2) между приверженностью Соединенных Штатов силовым методам утверждения своей гегемонии и признанием мировым сообществом (включая и значительную часть политико-академической элиты США) необходимости согласованных действий для обеспечения международной безопасности.

В международных отношениях обозримого будущего прогнозируемы следующие процессы:

- вероятно сохранение доминирующих позиций Соединенных Штатов, опережающих другие члены мирового сообщества в финансово-экономическом, научно-техническом, военно-политическом и иных отношениях;

- снижение роли военно-политических блоков и укрепление позиции региональных интеграционных объединений – Евросоюза, АТЭС, НАФТА и др.; неминуема «экономизация» мировой политики и дипломатии;

- возможно резкое увеличение количества государств вследствие роста национального самосознания, стимулируемого глобализаци-

ей. После Второй мировой войны их было 50, в начале XXI в. членами ООН являлись 192 государства, через несколько десятилетий их могут быть сотни;

- вытеснение принципа нерушимости границ правом на самоопределение;

- рост числа межэтнических и приграничных конфликтов; в настоящее время более 50 границ между государствами объявляются спорными, морских границ – более 150, островов – более 30¹;

- снижение роли ООН и рост влияния неправительственных организаций, таких как «Гринпис», «Врачи без границ» и т. д.;

- преобладание не военно-политических вопросов, а проблем внешней торговли, финансов, экологии, информационного обмена и др.;

- более явное, чем сейчас, доминирование проблем взаимодействия между Севером и Югом. Увеличивающийся разрыв в уровнях развития Севера и Юга является почвой для глобализирующихся терроризма и преступности, которые начинают угрожать самим основам общества ведущих мировых держав.

Перспективы мирового развития и мирового порядка во многом зависят от того, будут ли найдены эффективные пути разрешения обостряющегося противоречия между объективными потребностями большинства государств в интенсивной модернизации и сокращающимися возможностями Земли удовлетворять эти потребности.

В условиях, когда каркас нового мирового порядка формируют наиболее мощные в экономическом и военном отношении государства, прежде всего Соединенные Штаты, участие России в структурах, подобных «восьмерке» или Совету «Россия – НАТО», может стать важным инструментом ее влияния на ход мировых событий. Задача внешней политики России – найти для страны оптимальное место в процессе сближения с Западом и закрепиться на нем посредством мер международно-правового и институционального характера. При этом должно учитываться, что вхождение России в систему западных союзов – перспектива не близкая и отнюдь не предопределенная, реальная лишь при условии последовательной и всесторонней модернизации.

Становление нового мирового порядка будет длительным процессом, изобилующим коллизиями. Представляется вполне резонным мнение известного американского ученого-международника и бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера: мировой порядок проходит период вызревания, и окончательные его формы станут зримыми в пределах XXI в.²

¹ Международная жизнь. 2003. № 1. С. 126.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 733–734.

Формирующееся мироустройство отличается высокой степенью структурной сложности. Хотя в глобальном масштабе оно складывается как многополюсное, на региональном и субрегиональном уровнях возможно сохранение или возникновение иной полюсности – той или иной разновидности однополюсности или двухполюсности.

Контрольные вопросы

1. Сформулируйте определение понятия «мировой порядок».
2. Какие типы мирового порядка Вам известны?
3. В чем состоит современный переходный период международных отношений?
4. Какой миропорядок является оптимальным для формирующейся многополярности?
5. Назовите ведущих акторов мировой политики. Каковы способы их воздействия на международные отношения?
6. Охарактеризуйте основные угрозы и вызовы мировому сообществу.
7. Какие процессы прогнозируемы в международных отношениях обозримого будущего?

Рекомендуемая литература

Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005.

Бжезинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003.

Горбачев М. С. и др. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М., 2003.

Кулагин В. М. Международная безопасность: учеб. пособие. М., 2006.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М., 2003.

Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.

6. ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация воздействует на военно-политическую ситуацию в мире и развитие военного дела, которое и в XXI столетии не утрачивает своего значения в жизни человечества, оставаясь одной из основных сфер деятельности подавляющего большинства государств. Сотни миллиардов долларов расходуются на военные нужды, поскольку фактор военной силы занимает важное место в системе межгосударственных отношений.

В условиях глобализации видоизменяется сама сущность войны как социального явления. Она нередко перестает быть рациональным средством достижения политических и экономических целей вследствие разрушительной силы современных видов оружия.

К войнам ближайших десятилетий не всегда будет применима традиционная типологизация по политическому содержанию (справедливые и несправедливые) и используемым военно-техническим средствам (с применением обычных вооружений или оружия массового уничтожения). Различие между справедливыми и несправедливыми войнами все труднее поддается объективному анализу. Грань же между видами вооружений достаточно условна, поскольку современные высокотехнологичные вооружения по причиняемому урону сопоставимы с оружием массового уничтожения.

После окончания холодной войны вооруженные конфликты порождались не стремлением к территориальным захватам, а переплетением этнических, религиозных и идеологических факторов, политическими амбициями элит и лидеров. Они велись в основном внутри государств, унесли жизни миллионов людей и вызвали потоки беженцев.

Активные боевые действия проходили на территории Индии, Шри Ланки, Афганистана, Ближнего Востока, более полутора десятков африканских государств (Ангола, Эфиопия, Сомали, Уганда и др.). Наряду со старыми очагами конфликтов, возникли новые – на пространстве бывшего СССР и Югославии. Военные конфликты стали одним из важнейших факторов политической нестабильности в мире.

В условиях общепризнанного военного превосходства Соединенных Штатов можно констатировать существенное снижение вероятности применения военной силы в межгосударственных отношениях без учета позиции единственной сверхдержавы. В настоящее время Соединенные Штаты являются ключевым регулятором внешнеполитических процессов.

Представляется, что в ближайшие десятилетия наиболее вероятны следующие разновидности войн, как классических, так и нового типа.

Во-первых, войны самих Соединенных Штатов, возглавляемых ими коалиций или их союзников, против слаборазвитых государств с целью: а) обеспечения экономических интересов Запада и прежде всего контроля над энергетическими ресурсами; б) устранения режимов, чей политический курс не вписывается в стратегию Запада, способствует усилению террористической угрозы или распространению оружия массового уничтожения.

Во-вторых, межгосударственные войны, вызываемые региональными противоречиями, конфессиональным соперничеством, борьбой за контроль над природными ресурсами, необходимыми для жизнеобеспечения. К этой категории могут быть отнесены реальные и потенциальные вооруженные конфликты на Ближнем Востоке, Кавказе, Балканах и в других регионах.

В-третьих, внутригосударственные войны, в том числе гражданские, вызываемые обострением социальных противоречий, этноконфессиональными факторами.

В-четвертых, в целях сохранения и восстановления территориальной целостности государств (Китай, Индия).

В-пятых, «гуманитарные интервенции», осуществляемые с целью или под предлогом защиты демократии и обеспечения прав человека.

В ближайшие 10–15 лет проблемы военного характера на Евразийском континенте могут возникнуть в случае резкого обострения американо-китайских противоречий, вызванного, например, попыткой Китая силовым путем решить тайваньскую проблему, из-за внутренних неурядиц в Российской Федерации и ее дезинтеграции, дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Средней Азии.

Антиправительственная деятельность экстремистов в Центрально-Азиатском регионе, возможно, потребует военного вмешательства развитых государств с целью предотвратить возникновение нового центра воинствующего фундаментализма и экстремизма. В этом случае применение вооруженных сил не носило бы характера классической войны и, скорее, представляло бы собой противоповстанческую операцию против иррегулярных формирований приверженцев ваххабизма, использующих в основном партизанские методы борьбы с элементами террористических действий.

В условиях однополярности наибольшая опасность дестабилизации международных отношений, видимо, связана с возможностью распространения внутригосударственных вооруженных конфликтов в слаборазвитых странах на межгосударственные отношения. В то же время потенциальные войны между государствами могут успешно предотвращаться дипломатическими усилиями ведущих мировых

держав на стадии, предшествующей классическим боевым действиям. Внутригосударственные конфликты, способные принимать форму гражданских войн, менее поддаются воздействию извне, поскольку порождаются комплексом внутренних социально-экономических и политических причин.

Войны в традиционном понимании маловероятны в Европе, где доминируют государства с демократическими режимами, в большинстве стран бывшего социалистического содружества взят курс на построение демократического общества, а в рамках Европейского Союза действуют эффективные механизмы экономической интеграции и разрешения межгосударственных противоречий.

Усиление взаимозависимости государств, вызываемое глобализацией производства и финансов, само по себе отнюдь не служит гарантией стабильности международных отношений. Более того, взаимозависимость таит в себе потенциальную опасность всеобщей дестабилизации в случае возникновения серьезных внутривнутриполитических или социально-экономических проблем в одной из системообразующих стран. Особенно катастрофические последствия для всей системы межгосударственных отношений имел бы внутренний кризис в США, порожденный обострением социально-экономических и межэтнических проблем.

В условиях доминирования единственной сверхдержавы, обладающей неоспоримым военным превосходством, для подавляющего большинства государств война как продолжение политики становится возможной в том случае, если она вписывается в американский «сценарий» мирового развития или непосредственно не затрагивает интересы США.

Контроль над природными ресурсами, прежде всего энергетическими и водными, сегодня становится одной из главных причин военных конфликтов. В осуществлении военной акции против Ирака администрация США исходила не столько из опасений относительно связей багдадского режима с террористическими организациями или исследований в области оружия массового уничтожения, сколько из намерения поставить под контроль иракскую нефть. По признанию первых лиц американской администрации, «доступ в Персидский залив с его колоссальными запасами нефти имел исключительно важное значение для экономики и безопасности Соединенных Штатов»¹.

Глобальное обострение ситуации с нефтедобычей может привести к возобновлению конфликтов из-за богатейших пластов нефти и газа в шельфовой зоне архипелага Спратли, расположенного в Южно-

¹ Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М., 2004. С. 273.

Китайском море. Объявление КНР и Вьетнамом этого архипелага своим приводило к вооруженным столкновениям между государствами. На часть островов претендуют также Малайзия, Тайвань, Бруней и Филиппины.

Фактор наличия пресной воды уже сегодня играет важную роль на Ближнем Востоке в отношениях между Израилем, Иорданией и Сирией, которые делят воды реки Иордан. В результате строительства Турцией дамб в верховьях Ефрата не только сократится количество воды, получаемой Сирией, но и произойдет ее загрязнение из-за прохождения через ирригационные системы Турции. Нехватка воды, чреватая сокращением сельхозугодий и экологической катастрофой в городах, может вынудить то или иное правительство к применению военной силы.

Объектом потенциального конфликта могут быть воды Голубого Нила, в использовании которых заинтересованы прежде всего Судан, Египет и Эфиопия. Последняя контролирует верховья Нила и, в связи с быстрым ростом населения, намерена существенно увеличить водозабор и развернуть строительство ГЭС, что вызывает естественную озабоченность в Египте. Эксперты полагают, что в среднесрочной перспективе Египет может применить против Эфиопии военную силу.

Несмотря на растущую значимость экономических мотивов, при использовании военной силы важную роль в вопросах войны и мира продолжает играть идеологический фактор. Стремление способствовать внедрению той или иной мировоззренческой системы может выступать если не причиной, то, по крайней мере, фактором, способствующим принятию решения о начале войны. Влиятельные круги в США, вдохновленные победой над социализмом, привержены идее «экспорта либерализма и демократии» и реализуют ее в регионе Ближнего и Среднего Востока. На этой идее основываются гуманитарные интервенции в обход решений ООН.

Многовековой опыт свидетельствует о бесперспективности попыток распространения тех или иных идеологий и общественных систем, сколь бы привлекательными и прогрессивными с точки зрения их адептов они ни были. Это вызывает сопротивление народов, движимых стремлением сохранить свою самобытность, и, в конечном счете, отторжение чуждых идей и форм общественного устройства. Демократия должна утверждаться в каждой стране на собственной национальной почве и на правовой основе.

Развитие военно-политической ситуации в мире во многом будет зависеть от политики США, которые де-факто превратились в государство имперского типа, располагающее огромными возможностя-

ми влияния на содержание международных отношений, исходя из своих национальных интересов. Готовности Соединенных Штатов к использованию любых средств и методов сохранения лидерства, включая военно-силовые, способствует нынешнее соотношение военных потенциалов основных субъектов мировой политики. Налицо возрастание разрыва в уровнях военных возможностей США и остального мира. Увеличивается военно-технологический отрыв США даже от большинства своих союзников. Вооруженным силам последних, как показывают совместные военные акции западных стран, становится все сложнее взаимодействовать с американской армией из-за разницы в техническом уровне.

В обозримом будущем вооруженные силы США будут оставаться вне конкуренции, что предоставит американской элите свободу выбора стратегии и возможность монополизации права на насилие за пределами своей страны. Несопоставимость военных потенциалов подавляющего большинства государств с американским потенциалом серьезно ограничивает их возможности в качестве самостоятельных внешнеполитических игроков.

В ближайшие годы у многих государств не появится возможность оказывать вооруженным силам США успешное сопротивление (прежде всего из-за усиливающегося американского военного превосходства). Вместе с тем решение чисто военных задач автоматически не ведет к достижению Соединенными Штатами политических целей войны, что подтверждают события в Ираке.

В целом для американской военной стратегии не характерна ставка на непосредственные вооруженные столкновения для достижения победы. Соединенные Штаты стремятся по возможности избегать военных действий с использованием сухопутных сил, предпочитая *стратегию «непрямых войн»* – комплексного использования методов экономического и информационного воздействия на противника в сочетании с операциями спецслужб, военными угрозами и демонстрациями силы. Осуществляя эскалацию конфликта, американцы стараются не доводить дело до боевых действий, особенно операций сухопутных войск. В той же военной кампании 1999 г. против Югославии американское руководство предпочло добиваться капитуляции сербов без широкомасштабного наземного наступления.

Став государством имперского типа, доминирующим в международных отношениях, в том числе в военно-политическом плане, Соединенные Штаты вносят изменения в конфигурацию своего военного присутствия за рубежом. Не встречая сколько-нибудь серьезного противостояния со стороны потенциальных геополитических конкурентов, они проводят курс на обеспечение военного присутствия во

всех политически и экономически важных районах мира, стремясь обрести способность оперативно реагировать на любую ситуацию.

После окончания холодной войны США, помимо геополитических соображений (закрепление в Евразии), руководствуются стремлением использовать доминирующее положение в мире для обеспечения беспрепятственного доступа к нефтегазовым ресурсам Центральной Азии, Каспийского региона, Среднего и Ближнего Востока, контроля над маршрутами их транспортировки. Поскольку в каждом из этих районов сталкиваются интересы многих государств и положение нестабильно, они могут стать зонами потенциальных военных конфликтов с участием США.

Осуществление гегемонистской глобальной стратегии в перспективе чревато опасностью истощения их экономической мощи, а следовательно, и существенного сокращения военного потенциала. Но в обозримой перспективе вооруженные силы США будут представлять собой действенный инструмент политики своего государства, способный эффективно решать военно-политические задачи в любом регионе планеты.

В сложившейся ситуации России необходим трезвый учет геополитических реалий и собственных возможностей. Существующее соотношение численности населения (3 % мировой), объема ВВП (порядка 1,5 % мирового), территории (13 % территории Земли) и наличия природных ресурсов (примерно 40 % мировых) представляет несомненную угрозу для страны ввиду неизбежности обострения борьбы за ресурсы¹. Партнерские и союзнические отношения с ведущими державами Запада, близкими России по культурно-цивилизационным признакам, являются наиболее разумным путем решения ее внешнеполитических проблем и сохранения территориальной целостности страны.

Реализации такой стратегии благоприятствует зреющее в американской элите осознание ограниченности возможностей Соединенных Штатов воздействовать на мировые процессы и в одиночку противостоять вызовам глобализирующегося мира. Патриарх американской международно-политической науки Зб. Бжезинский в книге «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» (2004) характеризует мировые реалии как эпоху небезопасности и один из способов нейтрализации угроз Соединенным Штатам видит в сотрудничестве с другими странами, использовании их заинтересованности для поддержания международной стабильности.

¹ См.: США – Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 7. С. 107

Под влиянием глобализации и научно-технической революции изменится характер будущих войн, трансформируются привычные представления о них. Возможность нанесения ударов с больших расстояний по группировкам и объектам государственного управления изменит принципы ведения военных действий и позволит отказаться от ряда традиционных форм вооруженной борьбы.

Во-первых, уже в недалеком будущем цели войн и вооруженных конфликтов будут заключаться не столько в захвате и удержании территории противника, сколько в подрыве его оборонного и экономического потенциала, внесении хаоса в управление страной, внушении отчаяния и безысходности войскам и населению противника. Только после этого станут возможными наступательные наземные операции.

Борьба за территории уступает место соперничеству за контроль над важными объектами мировой экономики. Победа, достигнутая путем полного разрушения промышленного потенциала противника, теряет привлекательность.

Во-вторых, происходит размывание граней между миром и войной как двумя состояниями общества. При подготовке современной войны информационное противоборство становится ее первой стадией, когда решаются задачи достижения превосходства над объектом предстоящего нападения. Этому благоприятствует формирование глобального медиа-пространства, открывающего качественно новые возможности для ослабления готовности противника к сопротивлению, завоевания на свою сторону симпатий мировой общественности, психологической подготовки своего населения к предстоящей военной кампании. Информационное обеспечение военного нападения может продолжаться от нескольких недель до многих месяцев.

В-третьих, войны нового поколения будут бесконтактными, с применением высокотехнологичных систем вооружений и без ведения широкомасштабных наземных боевых действий. Это позволит минимизировать людские потери, которые крайне болезненно воспринимаются обществом и могут вызывать внутривосточные кризисы. Преимущества бесконтактной войны продемонстрированы вооруженными силами Соединенных Штатов в Персидском заливе, Югославии и Афганистане.

Массированное применение высокоточного оружия (беспилотные самолеты, крылатые ракеты) позволяет максимально ослаблять противника еще до начала наземных операций и делает возможной победу без оккупации его территории.

Изменится характер и наземных операций. Боевые действия в них будут рассредоточены по глубине и вестись без образования сплош-

ных фронтов. Широкое применение в этих действиях найдут мобильные войска.

Системообразующим компонентом войн нового поколения становится космос. В нем будут находиться обеспечивающие системы, и из него будут наноситься высокоточные удары по объектам на Земле.

Можно прогнозировать скоротечность протекания бесконтактных войн с применением высокоточного оружия, поскольку исчезает необходимость широкомасштабных наземных операций с участием крупных контингентов сухопутных войск.

Кроме того, существует вероятность применения ядерного оружия, прежде всего малой мощности. В настоящее время ядерное оружие рассматривается как практически применимое, мощное и эффективное средство ведения победоносных войн. В военные доктрины США и России включены положения о возможности при определенных условиях применения ядерного оружия первыми, причем как на стратегическом, так и на тактическом уровнях.

В начале XXI в. во взглядах военно-политического руководства США на роль ядерного оружия отчетливо проявляются две взаимосвязанные тенденции: с одной стороны, постепенное стирание границы между стратегическим и тактическим оружием, а с другой – стремление снизить порог применения ядерного оружия¹, особенно в локальных конфликтах.

Для России при существующем в настоящее время крайне неблагоприятном соотношении сил на всех стратегических направлениях ядерное оружие остается важнейшим и наиболее эффективным средством сдерживания внешней агрессии и обеспечения безопасности.

Особенностью войн эпохи глобализации будет асимметричность действий воюющих сторон. Невозможность противостоять армиям западных стран стимулирует остальные государства и политические акторы искать такие ответы, которые нельзя парировать чисто военными средствами.

Одним из видов «асимметричной войны» против превосходящих по боеспособности и оснащенности сил вторжения может явиться широкое использование партизанской тактики. Например, в Афганистане Соединенные Штаты так и не сумели добиться стабилизации внутривосточной обстановки, несмотря на разгром главных сил талибов в конце 2001 г.

Асимметричный ответ на массированное применение крупных войсковых соединений и современных вооружений может принять фор-

¹ См.: Корсаков Г. Б. Эволюция ядерной политики США (2001–2005 гг.) // США – Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 6.

му широкомасштабных действий террористического характера, подобных тем, которые произошли 11 сентября 2001 г. Возможно переплетение повстанческих действий иррегулярных вооруженных формирований с организацией террористических актов, как это происходит в Ираке.

Оружием «асимметричной войны» считаются компьютерные технологии, способные нарушить функционирование систем обеспечения жизнедеятельности противника.

В связи с тем, что на подготовку к ведению войн нового поколения у многих ядерных государств еще долго не будет средств, прогнозируемо их стремление модернизировать ядерный арсенал. Неравенство военных возможностей стимулирует появление новых ядерных государств. В результате возрастет угроза применения оружия массового уничтожения.

Действующие в настоящее время международные договоры и соглашения заключены с учетом наличия у государств оружия предыдущих поколений. Отсутствуют договоры и соглашения, связанные с применением высокоточного оружия и ведением бесконтактных войн. Использование этого оружия может разрушить существующую договорную базу в сфере ограничения вооружений и разоружения. Поэтому мировому сообществу предстоит создать договорную базу для глобального контроля процессов, вызванных очередной революцией в военном деле.

Для понимания природы современных войн необходим учет не только причин и условий их возникновения, характера протекания, но и блокирующих факторов. Ими являются прежде всего стремление мирового сообщества уберечь себя от самоуничтожения, формирование единого, взаимосвязанного и взаимозависимого мира, утверждение в общественном сознании приоритета общечеловеческих ценностей по отношению к ценностям классовым, групповым и национальным.

В условиях глобализации одна из первостепенных задач мирового сообщества – предотвращение конфронтационности и проявлений силовой политики. Этой цели служит разработанная ООН в 90-х годах миротворческая концепция перехода от современной культуры войны к культуре мира и согласия.

Согласно документам ООН и ЮНЕСКО, культура войны основывается на недоверии, подозрительности, нетерпимости и неспособности взаимодействовать с другими людьми, а культура мира и ненасилия должна определяться принципами гуманизма, демократии, толерантности, сотрудничества и диалога. Эта новая культура необходима как для отдельных граждан, так и для сообществ и государств.

Методологически ключевое положение концепции «культуры мира» состоит в том, что мир – это динамичный процесс устранения причин конфликтов, разоружения и военной конверсии, воспитания людей в духе диалога, утверждения принципов демократии, формирования социально ориентированного общества, в центре которого находится человек. В концепции «культуры мира» акцентируется необходимость не столько вмешательства в уже развернувшиеся конфликты и осуществления миротворчества, сколько предотвращения насилия. Реализация этой концепции возможна при условии органического сочетания универсальных прав человека, демократии, социальной справедливости с самобытным опытом и традициями каждого народа.

Одна из наиболее сложных задач в формировании культуры мира – ее укоренение в сознании людей. Для этого предусматривается воспитание на индивидуальном уровне навыков диалога, посредничества в урегулировании конфликтов, формирования консенсуса. Преобразование ценностей, взглядов и форм поведения должно сочетаться с мерами дипломатического характера, разоружением и конверсией, преодолением бедности и более справедливым распределением благосостояния и знаний.

Углублению миротворческого процесса способствовало бы обновление и развитие правовой базы международных отношений по следующим проблемам: определение четких критериев применения силы; взаимодействие в профилактике, предупреждении и урегулировании международных конфликтов; сочетание юридических, экономических и моральных санкций к нарушениям права; разработка юридических параметров «гуманитарной катастрофы»; взаимодействие основных принципов международного права (уважение прав и свобод человека и невмешательство во внутренние дела государства; право народов на самоопределение и территориальную целостность и др.).

Контрольные вопросы

1. В чем проявляется видоизменение сущности войны как социального явления?
2. Какие разновидности войн наиболее вероятны в ближайшие десятилетия?
3. Раскройте роль экономических и идеологических факторов как побудительных мотивов к войнам эпохи глобализации.
4. Охарактеризуйте цели военной стратегии Соединенных Штатов в современных условиях.
5. Какие перемены в облике и способах ведения военных действий возможны в ближайшие десятилетия?
6. Раскройте содержание концепции «культуры мира».

Рекомендуемая литература

Каверин В. Терроризм и война: общее и различия // *Власть*. 2002. № 5.

Капто А. От культуры войны к культуре мира. М., 2002.

Коньшев В. Н. Война как средство политики: современные американские подходы // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5.

Попов И. Войны будущего (обзор взглядов военных специалистов США) // *Власть*. 2001. № 6.

Сличенко В. И. Войны шестого поколения: оружие и военное искусство будущего. М., 2002.

Фененко А. Войны шестого поколения // *Международная жизнь*. 2004. № 2.

7. ТЕРРОРИЗМ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Процессы глобализации существенно повлияли на содержание и формы такого явления, как терроризм (от лат. *terror* – страх, ужас). В начале третьего тысячелетия из спорадических актов насилия он превратился в угрозу самим основам социального порядка многих членов мирового сообщества. По существующим оценкам, угроза террористических действий сейчас вышла на первое место среди возможных вызовов международной безопасности.

Терроризму посвящена обширная литература. Существует множество определений и классификаций этого явления. Тем не менее ни причины возникновения терроризма, ни его последствия до сих пор полностью не объяснены.

Исследователи едины в понимании сущности терроризма как противоправных насильственных действий, используемых для физического устранения противника или навязывания ему определенной линии поведения, деморализации общества, разрушения государственных институтов.

Согласно принятому в США определению, терроризм представляет собой «расчетливое использование насилия или угрозы прибегнуть к насилию для создания атмосферы страха с целью запугать или принудить правительства или сообщества людей для достижения своих целей, которые имеют политический, религиозный или идеологический характер»¹.

Широко распространенный термин «международный терроризм» характеризуется несколькими аспектами. Во-первых, сфера его деятельности выходит за пределы отдельных государств и имеет геополитические параметры. Во-вторых, состав участников террористических организаций интернационален. В-третьих, для террористических структур характерно стремление овладеть территориями с богатейшими природными ресурсами, что затрагивает интересы многих государств. В-четвертых, терроризм способен оказывать существенное влияние на состояние межгосударственных отношений. По существу, международные террористические организации с их разветвленной структурой и значительной финансовой базой приобретают свойства негосударственных субъектов мировой политики.

На практике терроризм все чаще прибегает к стратегии и тактике «асимметричной» войны, партизанским способам ее ведения. Это весьма отчетливо проявилось в ходе длительных, кровопролитных тер-

¹ Цит. по: США – Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 1. С. 95–96.

рористических действий исламских боевиков на территории Северного Кавказа и Ближнем Востоке.

Террористической деятельности глобальных масштабов объективно способствуют такие факторы, как появление новых технологических возможностей для осуществления насильственных акций по всему миру, использование некоторыми государствами террористических группировок для расширения геополитического влияния, эрозия национальных границ и распространение основополагающих принципов демократии, затрудняющих выявление и нейтрализацию террористов.

Терроризм препятствует становлению миропорядка, который основывался бы на нормах международного права и морально-этических императивах. Террористам выгодно анархическое состояние международной среды, поскольку оно создает благоприятные условия для достижения поставленных ими целей и ограничивает возможности цивилизованных государств в принятии согласованных решений по ключевым проблемам мировой политики. Деятельность террористических организаций усложняет процесс консолидации демократии, вынуждая государства для борьбы с ними прибегать к ограничению прав и свобод граждан.

Терроризм опасен возможным катастрофическим ущербом для промышленной инфраструктуры и систем жизнеобеспечения развитых индустриальных государств. Вторжение в компьютерные сети предприятий, банков, аэропортов и т. д. способно нарушить их нормальное функционирование и вызвать негативные последствия для общества.

Террористические акты сентября 2001 г. в США убедительно показали, что в нынешних условиях сплоченная и хорошо финансируемая группа людей в состоянии не только нанести тяжелейший урон самой мощной державе мира, но и дестабилизировать мировую экономику, потрясти всю систему международных отношений.

Благоприятной средой для терроризма служат протестное сознание беднейших слоев населения, национальный и религиозный фанатизм. В условиях формирующегося мегаобщества эти явления стимулируются социальной поляризацией мира, увеличением разрыва между богатыми и бедными странами, информационной и культурной экспансией Запада, воспринимаемой народами многих государств как угроза национально-культурной идентичности. Недовольство и противодействие повсеместно вызывают попытки США выступать одновременно в роли мирового судьи и мирового полицейского. Для организаторов террора он привлекателен деморализующим воздей-

ствием на постиндустриальные государства, их технологической уязвимостью.

Связь между бедностью и проблемой международного терроризма не является линейной. Например, население большинства стран Тропической Африки не проявило себя в активной террористической деятельности, в отличие от населения таких стран, как Кувейт и Саудовская Аравия, имеющих гораздо более высокие показатели на душу населения. Среди террористов немало людей образованных, состоятельных, высокомотивированных в своем неприятии духовных ценностей Запада. Следовательно, нет оснований рассматривать борьбу с бедностью как универсальный способ предотвращения терроризма.

Мотивы террористической деятельности лежат и в области психологии. Нередко террористами становятся люди со сломленными судьбами или гипертрофированным самолюбием.

Экстремистские и террористические движения формируются прежде всего в среде обездоленной, малообразованной молодежи мусульманских государств. Именно она нередко становится объектом манипулирования со стороны традиционных элит, воспринимающих глобализацию как угрозу своему статусу и экономическим интересам. Эти элиты стремятся направить недовольство обществ, переживающих процессы форсированной модернизации, вовне, против стран и регионов, которые либо сами являются символом и источником модернизации (США), либо по иным причинам вызывающих недовольство населения (Израиль). Мишенью терроризма является и Россия, имидж которой в исламском мире испорчен войнами в Афганистане и Чечне, поддержкой американской операции против талибов.

Идеологической основой противоборства со странами «золотого миллиарда» стал радикальный вариант ислама, существенно отличающийся от умеренного ислама – конструктивной религиозно-философской и нормативной системы, терпимой к другим религиям. Он предлагает примитивные решения, доступные пониманию малообразованных масс; обозначает врага, виновного в переживаемых обществом невзгодах; намечает способ преодоления лишений – «священную войну» с западной цивилизацией за утверждение «истинных» ценностей; наконец, героизирует людей-шахидов, жертвующих жизнью в борьбе с «неверными», предрекает им вознаграждение на небесах. В силу этих особенностей радикальный ислам обладает значительным мобилизационным потенциалом и отвечает потребностям традиционных групп, слоев и обществ, неспособных адаптироваться к новым условиям.

Фактически терроризм является частью плана мирового переустройства, выдвинутого радикальными исламистами, инструментом достижения глобального господства, позволяющим добиться наибольшего результата с наименьшими затратами. Терракты последних лет показали, что под угрозой находится весь цивилизованный мир.

Человечество оказалось неготовым к реагированию на террористическую деятельность таких масштабов, поскольку система международной безопасности ориентирована на предотвращение и нейтрализацию главным образом силовых акций со стороны государств и военно-политических блоков. Нынешняя институциональная и правовая база во многом не соответствует новым вызовам и малоэффективна для широкомасштабной борьбы с терроризмом.

Сложность борьбы против терроризма проистекает из неопределенности самих понятий «террор» и «терроризм». Они трактуются по-разному. Одни и те же действия нередко рассматриваются как террористические и как борьба за национальное освобождение. Отсутствует также общее понимание того, что имеется в виду под «пособничеством терроризму». В международном и национальном праве нашли отражение лишь некоторые локальные проявления феномена терроризма – захват морских и воздушных судов, покушение на высоких должностных лиц.

Преодоление терроризма и его причин превратилось в одну из остроактуальных глобальных проблем человечества. В настоящее время задача мирового сообщества состоит в минимизации исходящей от него угрозы до уровня, не допускающего масштабных катастроф. Для ее решения мировому сообществу необходимо сконцентрировать усилия на преодолении вопиющего неравенства населения Юга, стимулирующего религиозный фанатизм. Понадобятся согласованные превентивные меры по принудительному разоружению террористов, экстерриториальному подавлению их опорных баз, разрушению каналов финансирования. Снижению уровня террористической угрозы способствовало бы урегулирование терророгенных этнополитических конфликтов, особенно ближневосточного. Для нейтрализации радикальных исламских движений первостепенное значение имеет вовлечение в антитеррористическую деятельность умеренных исламских сил, кругов и режимов, налаживание устойчивого диалога между цивилизациями, особенно христианской и мусульманской. Предстоит разработать и реализовать комплекс мер, которые позволили бы исключить возможность доступа террористов к оружию массового уничтожения (ОМУ), особенно ядерному.

Результаты борьбы против терроризма будут зависеть от приведения норм международного права в соответствие с существующими реалиями.

Прежде всего, предстоит выработать общеприемлемое определение терроризма и, как следствие, единые подходы к борьбе с ним. Должно быть достигнуто общее понимание того, что следует называть «пособничеством терроризму».

Необходима серьезная корректировка международного права с учетом следующих обстоятельств. Террористические структуры являются транснациональными негосударственными субъектами, в то время как основным предметом международного права остается регулирование межгосударственных отношений. Эффективная борьба против террористической угрозы невозможна без проведения превентивных международных действий с целью пресечения актов терроризма до их осуществления, причем на территории государств, которые не могут или не хотят уничтожать базы боевиков. В определенных случаях такие действия могут предприниматься против воли правительств этих государств. Действующее же сегодня классическое международное право концентрирует внимание на отражении уже совершенной агрессии, а не на силовых мерах по ее предотвращению.

В сложившейся ситуации возникает опасность использования права на превентивные антитеррористические действия без достаточных для того оснований или для достижения узкокорыстных целей ведущих мировых держав и прежде всего США. Антитеррористические операции не должны использоваться в качестве средства геополитического передела мира, «принудительного реформирования» суверенных государств.

Пока реакция мирового сообщества на терроризм сводится преимущественно к военным акциям. В существующих условиях она вполне естественна и закономерна, но в перспективе способна дать ограниченные результаты, поскольку терроризм имеет глубокие социальные, психологические и экономические корни и силовыми методами с ним не справиться. В ликвидации источников терроризма мерам политического и экономического характера должна принадлежать более важная роль, чем военным акциям.

Вместе с тем, как показывает накопленный опыт, реализация программ подъема жизненного уровня населения с целью лишить террористов социальной базы на практике нередко приводит к перераспределению выделенных средств между чиновниками международных структур, лидерами авторитарных режимов и руководителями тер-

рористов. В конечном счете, часть средств, предназначенных для развития экономики депрессивных регионов, используется на организацию терактов. Об этом свидетельствует проведенный российскими специалистами сравнительный анализ корреляции частоты терактов и бюджетными трансфертами на северном Кавказе, получением палестинцами дотаций от израильского правительства и из-за рубежа¹.

Силовые операции против террористических организаций могут быть эффективными лишь при условии постановки предельно четких задач в каждом конкретном случае и неукоснительного соблюдения международного права. Вмешательство в инфраструктуру политической власти, массированные атаки с применением новейших видов вооружений способны унизить национальное достоинство народов и активизировать террористическую деятельность.

Появление и распространение новой угрозы определяет необходимость тщательного отслеживания доктринальных и идеологических предпосылок терроризма. Без такого знания невозможно прогнозировать действия террористов, предпринимать превентивные и ответные меры по обеспечению безопасности в региональном и международном масштабе.

В настоящее время в Европе принимаются меры для того, чтобы остановить ее исламизацию за счет притока эмигрантов, преимущественно из арабских стран и Пакистана, ассимилировать этноконфессиональные анклав, являющиеся тыловой базой и одним из источников финансирования терроризма, изгнать из ЕС исламских экстремистов. Насколько эти меры будут результативными, покажет время.

Некоторые ученые и политики полагают, что наиболее адекватной реакцией на действия террористов должен быть империализм, т. е. высокая степень контроля над обстановкой в исламском мире, близкая к колониализму. Опыт воплощения этой идеи в Афганистане и Ираке дает основания сомневаться в эффективности такого подхода.

Согласно прогнозу авторов доклада Национального разведывательного совета США «Контуры мирового будущего», в период до 2020 г. ключевые факторы, способствующие террористической деятельности, не ослабят своего влияния². Возрождение мусульманства, которому благоприятствует развитие информационных технологий, будет способствовать распространению радикальной ислам-

¹ См.: Международная жизнь. 2005. № 1. С. 60.

² Россия и мир в 2020 г. С. 23–24.

ской идеологии на Ближнем Востоке и за его пределами, включая Юго-Восточную Азию, Центральную Азию и Западную Европу, где мусульманская религиозность традиционно не была так сильна. Получат дальнейшее развитие неформальные сети благотворительных фондов, медресе, хавали¹ и другие механизмы, которые используются радикалами. Отчуждение безработной молодежи будет толкать ее в ряды террористов.

Существует и опасность того, что массовые исламские движения, подобные «Аль-Каиде», сольются с местными сепаратистскими движениями, а информационные технологии будут способствовать децентрализации террористических структур.

В упомянутом докладе прогнозируются террористические атаки в основном с использованием обычных вооружений, однако с применением новых технологий, адаптированных к приемам антитеррористической борьбы. Наибольшая изобретательность вероятна не в технологиях или вооружениях, а в оперативных концепциях (масштабы операций, рисунок и вспомогательные приготовления к терактам).

Заинтересованность террористов в приобретении оружия массового уничтожения повышает вероятность крупных терактов с его применением. Не исключены террористические кибератаки с целью повреждения или разрушения жизненно важных информационных систем.

В целом следует констатировать, что терроризм – это явление, которое вошло в жизнь мирового сообщества надолго, а действенно-го механизма нейтрализации возникшей угрозы пока нет.

Контрольные вопросы

1. В чем сущность терроризма как социального явления?
2. Охарактеризуйте международный терроризм как глобальную проблему.
3. Какие факторы стимулируют террористическую деятельность в современных условиях?
4. Какова роль радикального ислама в качестве идеологической основы терроризма?
5. В чем сложность противодействия международному терроризму?
6. Какие меры необходимы для предотвращения угрозы терроризма?

Рекомендуемая литература

Будницкий О. В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5.

¹ Хавали – неформальная банковская система в мусульманских странах.

Иноземцев В. Терроризм как «освободительная борьба» // Свободная мысль. 2005. № 10.

Кудрявцев В. Н. Предупреждение терроризма // Общественные науки и современность. 2004. № 1.

Писарев В. Д. Международный терроризм и глобальные экологические угрозы // США – Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 11.

Сатановский Е. Международный терроризм // Международная жизнь. 2005. № 11.

Хоффман Брюс. Терроризм – взгляд изнутри / пер. с англ. М., 2003.

Швец Д. Международный терроризм: информационный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 9.

8. РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

С выходом на международную арену в качестве самостоятельного государства Россия оказалась перед необходимостью геополитического самоопределения, адекватного ее возможностям и устремлениям. Оно предполагает позиционирование в геополитическом пространстве, выбор цивилизационных ориентиров, вектора внешней политики. Геополитическое самоопределение зависит не только от России, но и от процессов в ближнем зарубежье, от политики других государств, прежде всего основных центров силы, общей ситуации в мире, тенденций глобального развития.

Влияние России на положение дел в мире определяется следующими обстоятельствами:

1) она является самым крупным по территории и 7-м по численности населения государством мира, занимает благоприятную геополитическую позицию в центре Евразии;

2) она располагает гигантскими природными ресурсами, имеет высокий научно-технический потенциал;

3) как правопреемница СССР она является постоянным членом Совета Безопасности ООН и несет связанную с этим статусом ответственность;

4) она обладает сопоставимым с Соединенными Штатами стратегическим ракетно-ядерным потенциалом, унаследованным от СССР.

Будущее мирового сообщества в существенной степени зависит от политического самоопределения России. Возможны два альтернативных сценария:

1) она станет на инновационный путь развития и осуществит всестороннюю модернизацию, будет способствовать решению глобальных проблем и утверждению демократического миропорядка;

2) она может стать фактором дестабилизации положения на значительной части Евразии, полем анархии и хаоса, которые распространятся на соседние регионы.

В интересах мирового сообщества реализация первого сценария. В этом случае появятся объективные предпосылки для сведения к минимуму издержек глобализации и оптимального использования ее возможностей на благо всего человечества.

После распада СССР перед Россией возникло множество сложных проблем, существенно ограничивающих «коридор возможностей» ее самоопределения в современном мире.

Занимая около 80 % территории бывшего Советского Союза, Россия оказалась отделенной от Европы новыми государствами, потеряла ряд стратегически важных портов на Белом и Черном морях. Эти

геополитические изменения существенно усложняют решение внешнеполитических задач Российского государства.

Ослабленная в геополитическом и демографическом отношениях, испытывающая трудности экономического развития, Россия не является сверхдержавой, оказывающей решающее воздействие на ход мировых процессов. Необходим реализм в оценке возможностей страны и глобальных тенденций.

Серьезные проблемы России создает ее геополитическое окружение. Ряд бывших республик СССР находятся во враждебных отношениях. Некоторые из них стали ареной ожесточенных этнических и политических конфликтов, вызвавших потоки беженцев в Россию. Отсутствие нормативно-правовой закреплённости границ породило территориальные споры.

Постсоветское пространство представляет собой зону повышенной нестабильности в международных отношениях, обусловленной действием сложного сочетания национальных, региональных и глобальных факторов. Институционализация этого нового геополитического пространства носит противоречивый характер и будет достаточно продолжительной.

Существует угроза геополитическому единству и самой России. Национальные республики Волго-Уральского региона (Татарстан, Башкортостан) и Северного Кавказа устанавливают внешние связи, руководствуясь этнокультурными и религиозными критериями. Это ведет к усилению влияния на них со стороны исламских государств.

Имеются геополитические проблемы и в других регионах России. Дальний Восток вынужден самостоятельно развивать связи с Китаем, Южной Кореей и другими государствами АТР. Он является объектом усиливающегося демографического давления со стороны Китая. В сложном положении анклава оказалась Калининградская область.

Драматизм новой геополитической ситуации постсоветской России состоит в том, что на южных границах она вынуждена противостоять, в том числе и вооруженным путем, во-первых, исламскому миру, стремящемуся расширить сферу своего влияния на бывшие советские республики, и, во-вторых, националистическим, фундаменталистским силам Кавказа, угрожающим территориальной целостности самой России.

В целом геополитическое положение России сейчас таково: у нее нет очевидных врагов, но вместе с тем нет и друзей; ей вовсе не гарантировано благожелательное отношение соседей.

За период существования России как самостоятельного государства в ее внешней политике произошли существенные изменения. Цель России в начале 90-х годов сводилась к форсированной инте-

грации в «сообщество цивилизованных государств», что в сжатые сроки должно было обеспечить процветание страны. Национальные интересы Российского государства всецело идентифицировались с интересами Запада. Однако в 1993 г. в его внешней политике возобладали «державные» подходы, вызванные недовольством населения ухудшением социально-экономической ситуации, разочарованием в объеме и действенности поддержки реформ со стороны Запада, неравноправным положением России в партнерстве с наиболее развитыми государствами. Лишь в начале нового столетия внешняя политика обрела необходимый прагматизм, способность учитывать возможности страны и мировые реалии.

К настоящему времени в российском обществе еще не сложился консенсус относительно предпочтительной политики в вопросах мироустройства и определения места, которое должна занять Россия в складывающейся системе международных отношений. Однако обозначились основные приоритеты.

Первостепенное значение для геостратегии России имеет периметр границ бывшего Советского Союза. Во-первых, по историческим и географическим причинам ближнее зарубежье более значимо для безопасности России, чем для других великих держав. Во-вторых, положение миллионов людей русской культуры в странах ближнего зарубежья является не только сугубо внутренним делом правительств этих стран, но и естественным основанием для пристального внимания Российского государства.

Национальные интересы России во взаимоотношениях с независимыми государствами постсоветского пространства заключаются:

- 1) в их дружественной позиции, независимо от того, кто находится у власти;
- 2) в предотвращении «транзитных» угроз своей безопасности, возникающих за пределами постсоветского пространства;
- 3) во внутренней стабильности и отсутствии конфликтов между этими странами, чреватых включением в них России.

В отношениях с каждым из постсоветских государств реализация российских интересов должна иметь определенную специфику. Стратегически же России следует стремиться к формированию на постсоветском пространстве социально сбалансированных, динамично развивающихся демократических государств, образующих пояс добрососедства и безопасности по периметру ее границ.

Сотрудничество со странами ближнего зарубежья как направление внешней политики России перспективно потому, что открывает перед ней возможность стать одним из мировых центров интеграции. Реализация этой возможности в существенной степени будет зави-

сеть от притягательности самой России, ее способности решать внутренние проблемы на основе экономики нового, постиндустриального типа.

Отношения России со странами СНГ должны органически развиваться в курсе на создание единого экономического пространства с Европейским Союзом и формирование партнерства с НАТО в области безопасности. Такое позиционирование может стать дополнительным внешнеполитическим ресурсом России в отношениях как со странами СНГ, так и с Западом, фактором укрепления ее международно-го статуса.

Политический прагматизм России в ближнем зарубежье возможен и в форме отказа от сохранения СНГ любой ценой. Более целесообразным может оказаться создание новой структуры из числа государств, заинтересованных в интеграции. Перспективы СНГ в определенной степени зависят от результатов функционирования Российско-белорусского союза и Евразийского экономического сообщества. Укрепление внутренних и международных позиций России сделает возможной геополитическую консолидацию вокруг нее постсоветского пространства.

В шкале геостратегических приоритетов России чрезвычайно важным и перспективным представляется формирование партнерских отношений с Европейским Союзом. Их приоритетность определяется принадлежностью России к христианской европейской цивилизации, исторически сложившимися экономическими, политическими и культурными связями, обусловившими высокую степень взаимозависимости народов Европы. По мнению некоторых ученых, интеграция в европейское экономическое пространство для России даже более значима, чем интеграция в рамках СНГ¹.

Несмотря на культурную и цивилизационную близость России и Европы, прямое вступление России в Европейский Союз и НАТО в обозримом будущем невозможно. Россия переживает период общественно-экономической трансформации, перехода в качественно иное состояние. Страны же ЕС в этом продвинулись далеко. Поэтому наиболее реалистичный вариант взаимодействия России и ЕС состоит в ее постепенном приобщении к процессам европейской интеграции.

Будущее России во многом зависит от ее адаптации к условиям ценностей, составляющих фундаментальные основы европейских

¹ См., например: *Борко Ю. А.* Россия и Европа: курс или дрейф? М., 2002. С. 16–26; *Шилов В.* Россия, европейское сообщество и СНГ: приоритеты интеграции // *Власть.* 2003. № 10.

обществ, – рыночного типа хозяйства, гражданского общества, развитой демократии, правового государства и многого другого.

При отсутствии эффективной оппозиции и несформированности общественного мнения демократические институты Европы нужны России в качестве объективных экспертов по вопросам легитимности намерений и действий властей, их соответствия нормам и ценностям цивилизованного общества. Стимулируя демократические тенденции в развитии России, Евросоюз объективно укрепляет демократию в глобальном масштабе.

Ориентация на Западную Европу для России предпочтительна и с учетом влияния той части американской элиты, которая считает в принципе невозможным преобразование России в цивилизованную страну и полноправного партнера Запада, видит в жестком курсе по отношению к ней важное условие закрепления статуса США как единственной сверхдержавы. Эти круги имеют планы дальнейшего ослабления России вплоть до ее трансформации в «слабую конфедерацию» и последующего распада на три независимых государства (Европейская Россия без Северного Кавказа, Западная Сибирь и Дальний Восток). Такая позиция отражена в идее Зб. Бжезинского о децентрализации России и превращении ее в конфедерацию трех республик – Дальневосточной, Сибирской и Центральной – с перспективой их поглощения более могущественными государствами.

Вступление бывших социалистических стран в НАТО и в ЕС консолидирует Европу на базе либеральных ценностей. В интересах России стремиться к тому, чтобы эти страны стали связующим звеном между ней и Западной Европой.

Интегрирование России с ЕС в целостную систему ускоряют и интенсифицируют процессы глобализации. Оно будет достаточно длительным и зигзагообразным ввиду возможности расхождения краткосрочных интересов, но альтернативой такому курсу может быть маргинализация России со всеми вытекающими для обеих сторон негативными последствиями.

Для обеспечения позитивной динамики своим взаимоотношениям с Европой России необходимо избегать драматизации проблем, которые могут возникать не столько из несовпадения интересов, сколько из различий в ментальности, мировосприятии и поведенческих стереотипах, научиться реально оценивать эти проблемы. Предстоит осознать то обстоятельство, что на отношениях с «единой Европой» отрицательно сказывается традиционное стремление России вести дела прежде всего с великими державами континента, вызывающее настроенность и «ревность» малых европейских государств.

Формирование единого с Россией экономического пространства открыло бы перед Европой перспективу укрепления своих позиций в качестве одного из крупнейших центров могущества, наряду с Северной Америкой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР), обеспечения конкурентоспособности в соперничестве с ними. Участие Евросоюза в крупно-масштабном обновлении социально-экономической структуры России позволило бы загрузить простаивающие мощности и предотвратить стихийное перемещение промышленного капитала в Китай, Индию и Юго-Восточную Азию. Перестройка Европой части своего производства применительно к спросу в России приблизила бы занятость и темпы экономического роста к американскому уровню¹.

Для России, располагающей гигантскими природными ресурсами и имеющей самые протяженные границы с наиболее нестабильными режимами, интенсивное развитие партнерских отношений с ЕС явилось бы путем к устойчивому развитию, важным фактором сохранения территориальной целостности и независимости. Общественное устройство европейских государств может служить для России ориентиром в преодолении социально-экономического неравенства между группами населения и регионами, в создании социально-ориентированного государства.

В целом долговременное сотрудничество двух взаимодополняющих экономических комплексов имело бы значительные геополитические последствия, поскольку обогатило бы возможности партнеров и способствовало формированию многополюсности.

Место России в мировом сообществе во многом зависит от того, как будет складываться ее сотрудничество с единственной сверхдержавой – Соединенными Штатами. Важность достижения нового уровня в российско-американских отношениях определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, Россия испытывает острую потребность в освоении опыта государств, дальше других продвинувшихся по пути постиндустриального развития, располагающих наибольшим потенциалом для воздействия на нынешние и будущие международные отношения. США заинтересованы в необратимости реформирования России, которое открыло бы благоприятные возможности для выгодно-го инвестирования в ее экономику.

Во-вторых, интересы обоих государств совпадают в предотвращении дезинтеграции России и обеспечении стабильности на ее терри-

¹ См.: *Скоров Г.* Россия – Евросоюз: вопросы стратегического партнерства // Мировая экономика и международные отношения. 2005. С. 3.

тории. США опасаются геополитического хаоса в России прежде всего с точки зрения угрозы распространения ядерного оружия и ракетных технологий. Вместе с тем нет ясности в отношении того, какие политические и административные методы могут быть эффективными для сохранения целостности страны.

В-третьих, фундаментальной основой для партнерства между Россией и США является совместная заинтересованность в формировании устойчивой системы международных отношений, в обеспечении безопасного существования человечества. Решение этой проблемы невозможно без интенсивного сотрудничества прежде всего в области ограничения, сокращения, нераспространения и надежного хранения вооружений, в предотвращении и урегулировании региональных конфликтов, в нейтрализации международного терроризма как формы внесистемного насилия и резко возросшей новой угрозы для мировой цивилизации.

Национальным интересам обоих государств отвечало бы создание долговременной антитеррористической коалиции. Участие в ней России в качестве великой державы дало бы дополнительный шанс ускорить процесс интеграции в сообщество демократических государств с развитой экономикой, а Соединенные Штаты получили бы влиятельного партнера, чьи границы примыкают к нестабильным регионам и государствам. Вместе с тем нельзя не учитывать возможные попытки Соединенных Штатов использовать антитеррористические операции в качестве способа расширения сферы своего влияния и глобального геополитического передела мира.

По мере усложнения геополитической конфигурации мира, Россия и США при неизбежном соперничестве на разных уровнях будут все больше нуждаться в партнерстве в связи с ростом влияния новых центров силы, прежде всего Китая. Необходимость создания противовесов с целью достижения глобального и регионального балансов предрасполагает оба государства скорее к сближению, чем к противостоянию. Взаимовыгодное и равноправное партнерство между США и Россией станет возможным только в том случае, если Россия преодолеет системный кризис и обретет экономическую и военную мощь, превратившись в один из центров силы на мировой арене.

Многое в российско-американских отношениях будет зависеть от эволюции международной политики Соединенных Штатов – станет ли она более реалистичной и взвешенной в условиях формирующейся многополярности, обострения глобальных проблем, или возобладают гегемонистские тенденции, приверженность силовым методам разрешения конфликтных ситуаций.

В обозримой перспективе отношения России и США будут, скорее, не партнерством, а взаимодействием в различных областях с учетом особенностей конкретных ситуаций и прагматических соображений. На российско-американские отношения значительное влияние окажут наличие общих источников угроз и необходимость создания системы международной безопасности.

Военное присутствие Соединенных Штатов в Средней Азии дает России определенные шансы для нейтрализации актуальных угроз ее безопасности, но потенциально может стать фактором резкого обострения ситуации в связи с возможным расхождением интересов с США, антиамериканскими акциями исламских радикалов.

В процессе формирования партнерских отношений между обоими государствами для России может возникнуть серьезная проблема допустимых пределов сближения с Соединенными Штатами. Проамериканская ориентация, готовность следовать в русле глобальной стратегии США способны нанести ощутимый моральный и политический урон национальным интересам страны. Стратегической задачей России является обеспечение баланса американского и европейского направлений внешней политики. Оптимальная для России стратегия взаимодействия с Западом – вхождение в сообщество цивилизованных государств в качестве полноправного партнера, жестко отстаивающего свои национальные интересы.

В силу ряда причин Россия жизненно важна для Запада в целом.

Во-первых, в условиях глобализации без учета позиции страны, располагающей сопоставимым с Соединенными Штатами ядерным потенциалом, не может быть решена ни одна сколько-нибудь значимая проблема. Особенно это касается проблемы международного терроризма.

Во-вторых, уникальное геополитическое положение России и ее гигантские природные ресурсы уже в недалеком будущем могут быть востребованы сообществом цивилизованных государств в связи с противоречиями между «богатым» Севером и «бедным» Югом. Соединенным Штатам, отрезанным от Старого Света двумя океанами, необходима дружественная Россия в центре Евразии.

В-третьих, традиционные связи, каналы влияния и авторитет России в ряде стран и регионов делают ее эффективным потенциальным посредником между этими странами и регионами, с одной стороны, и Соединенными Штатами – с другой.

Стратегическое партнерство между Западом и Россией станет возможным лишь при условии ее превращения в демократическое правовое государство, в котором действует система сдержек и противовесов, а власть подконтрольна обществу.

С точки зрения коренных интересов безопасности и социально-экономического развития России, наиболее перспективная для нее глобальная стратегия – стать частью единого пространства развитых демократических государств, политико-дипломатическим интегратором двух полюсов – Соединенных Штатов и объединенной Европы. Такая позиция является наилучшим способом создания благоприятных международно-политических предпосылок для модернизации страны, превращения ее во влиятельного субъекта мировой политики, экономики и культуры XXI в. Использование этого шанса позволит России даже при ее нынешних ограниченных возможностях оказывать серьезное воздействие на судьбы государств и мира в целом.

Исследования общественного мнения российских граждан показывают, что большинство из них трезво оценивают лидирующее положение США в мире, осознают стратегическую необходимость сотрудничества России с Западом, несмотря на расхождения интересов и имеющиеся трения. Прагматическая позиция россиян продиктована надеждой на укрепление позиций России в мире благодаря сотрудничеству с Западом и приобщение их самих к западному процветанию и благополучию¹.

Активное взаимодействие с Западом для России не должно означать односторонней ориентации исключительно на него. Ей следует стремиться к статусу самостоятельного центра силы, способного отстаивать свою точку зрения на мировые проблемы и пути их решения. Условием эффективности международной деятельности России должна быть многовекторность внешнеполитического курса.

Важным направлением реализации национально-государственных интересов России является налаживание принципиально новых отношений с восточноевропейскими странами – на принципах равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга. Значение этих отношений определяется прежде всего такими факторами, как территориальная близость и традиционные исторические связи, сходство целей и отчасти методов реформирования общества, возможность использования накопленного опыта преобразований.

Евроатлантическое направление внешней политики России предстоит сбалансировать с интенсивным развитием отношений с Японией и Китаем на Дальнем Востоке. Уникальность этих отношений как геополитических приоритетов состоит в том, что азиатская часть России мало заселена и богата природными ресурсами, тогда как для Китая и Японии нехватка собственного сырья и экономически ис-

¹ Глобализация и Россия: проблемы демократического развития. С. 350–351.

пользуемой территории является главной национальной проблемой. Кроме того, оба государства имеют к России открытые и латентные территориальные претензии.

В настоящее время эти государства не являются источниками непосредственной военной угрозы для России, но в будущем нельзя исключить возможности радикального изменения их политики. Уже сейчас просматривается перспектива превращения территории Дальнего Востока в сырьевой придаток Китая. Безопасность России в этом регионе может быть обеспечена путем поддержания необходимого оборонного потенциала, экономического и демографического освоения Сибири и Дальнего Востока, предотвращения гегемонизма в АТР.

Расширение НАТО на восток, военные операции США против Ирака и Югославии подтолкнули часть российского политического класса к идее создания тройственного союза с участием России, Китая и Индии, в противовес Западу. Эта идея имеет немало сторонников потому, что проектируемые союзники динамично развивают свою экономику, уже сейчас являются важнейшими рынками сбыта продукции российского ВПК и могут стать сверхдержавами XXI в.

Развитие экономических и политических отношений, военно-технического сотрудничества с Китаем и Индией действительно способно принести России определенные выгоды, но интеграция или союз с этими государствами весьма проблематичны в силу их самодостаточности, огромных социально-экономических, культурных и геополитических различий, соперничества между собой. Более того, сближение с азиатскими гигантами при определенных обстоятельствах может стать опасным для независимости и суверенитета России.

Прагматическая диверсификация внешней политики, позволяющая использовать дополнительные резервы, безусловно, является фактором ее эффективности. Смещение же геостратегических приоритетов контрпродуктивно, поскольку союзниками (а не попутчиками) модернизирующейся России могут быть лишь высокоразвитые демократические государства. Кроме того, проектируемые участники тройственной коалиции – Китай и Индия, – выстраивая свои отношения с внешним миром, вовсе не склонны идти на конфликт с его лидером – Соединенными Штатами.

Перспективными направлениями азиатской внешней политики России являются ее участие в интеграционных процессах в АТР, куда перемещается центр мирового экономического развития, укрепление позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Сотрудничество с исламским миром значимо для России не только в плане расширения ее международного влияния, но и обеспечения безопасности. Оно важ-

но также с точки зрения воздействия на внутреннюю ситуацию с учетом того обстоятельства, что мусульмане составляют немалую часть российского населения. Наконец, исторические и социокультурные традиции сотрудничества России с мусульманскими странами могут способствовать конструктивному диалогу христианской и исламской цивилизаций и, таким образом, преодолению одного из серьезных барьеров на пути глобализации.

В целом российская политика в Азии существенно отличается от советской, ориентированной на взаимодействие с арабскими государствами и Индией, которые рассматривались как геополитические союзники СССР в борьбе против империализма.

Общая парадигма модернизации и перехода к устойчивому развитию создает широкое поле для партнерства между Россией и странами Латинской Америки. Позиции России и ведущих южноамериканских государств приобрели сходные черты в системе мирохозяйственных связей. По своему реальному весу в мировой экономике Россия и такие региональные державы, как Бразилия, Мексика и Аргентина, оказались соизмеримыми. Существенно сближает позиции России и стран Латинской Америки такой базисный объективный фактор, как незаинтересованность в однополярном миропорядке, потребность в механизмах неконфронтационного сдерживания гегемонистских устремлений в политике США, отчетливо проявившихся в последние годы.

Однако в целом государства Африки и Латинской Америки, видимо, в течение определенного времени останутся на периферии внешнеполитических интересов России ввиду ограниченности ее экономических и организационных ресурсов.

В интересах России способствовать укреплению глобальных и региональных структур, ставящих своей целью обеспечение мира, безопасности и сотрудничества государств, прежде всего ООН и ОБСЕ. Эти структуры, по существу, представляют собой уникальные лаборатории по организации жизни человеческих макросообществ.

Важнейшая задача российской дипломатии – минимизировать воздействие отрицательного исторического опыта в отношениях с другими странами, особенно соседями, на современные международные отношения. Исторический опыт, коллизии и трудности прошлого должны стать достоянием, главным образом, науки и не быть негативным фактором политической жизни, источником враждебных стереотипов.

В целом можно утверждать, что ориентиром для внешней политики России должна быть не защита частично утерянных, ненужных в

новых условиях или дорогостоящих позиций, а нацеленность на достойное место в мировом сообществе. Интересам страны отвечают отказ от великодержавия и имперских устремлений, изживание синдрома «осажденной крепости», порождающего ксенофобию. Необходим взвешенный, сбалансированный курс, учитывающий динамичные и противоречивые реалии современного мира.

Стратегия обретения Россией новой глобальной роли в качестве самостоятельного центра силы может быть эффективной лишь на основе последовательного укрепления демократических устоев и институтов, формирования правового государства. Сейчас, как никогда ранее, взаимосвязаны движение России к демократии и перспективы ее модернизации, прорыва в постиндустриальную, информационную эру. Решительно отстаивая свои национальные интересы, Россия способна внести значительный вклад в утверждение демократического миропорядка.

Контрольные вопросы

1. Какими факторами определяется роль России в глобальной политике?
2. В чем актуальность проблемы геополитического самоопределения России?
3. Какой должна быть глобальная роль России в многополярном мире?
4. Охарактеризуйте внешнеполитические приоритеты России и раскройте связь между ними.
5. Изложите Ваши представления о внешнеполитических приоритетах России.
6. Почему национальным интересам России отвечает многовекторность ее внешней политики?

Рекомендуемая литература

Глобализация и Россия: проблемы демократического развития. 2-е изд. М., 2005.

Исаев Б. А. Геополитика: учеб. пособие. СПб., 2006.

Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: учеб. для вузов. М., 2002.

Сирота Н. М. Геополитика: краткий курс. СПб., 2006.

Современные международные отношения и мировая политика: учебник / под ред. А. В. Торкунова. М., 2004.

Цыганков А. П., Цыганков П. А. Социология международных отношений: анализ российских и зарубежных теорий: учеб. пособие для студ. вузов. М., 2006.

Учебное издание

Сирота Наум Михайлович

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Учебное пособие

Редактор *В. А. Черникова*
Верстальщик *С. Б. Мацанура*

Сдано в набор 16.01.07. Подписано к печати 12.02.07.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,25.
Уч.-изд. л. 5,9. Тираж 100 экз. Заказ №

Редакционно-издательский центр ГУАП
190000, Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 67

